

С. Н. Муравьев

КНИГА ГЕРАКЛИТА ЭФЕССКОГО *

В двух предыдущих статьях мы не раз упоминали книгу Гераклита как что-то, само собою разумеющееся. Однако некоторым современным ученым написание Гераклитом собственного сочинения отнюдь не представляется бесспорным фактом. С другой стороны, древние, как мы увидим, ничуть не сомневались в этом. В результате мы оказываемся в довольно парадоксальной ситуации. Рассудить древних и наших современников на основании свидетельств одной лишь стороны — настоящая работа ведь посвящена только *древним* показаниям — нельзя, и потому, когда мы говорим «книга Гераклита», мы должны подразумевать «то сочинение, которое древние считали книгой Гераклита». Но мы не можем также надеяться извлечь информацию, содержащуюся в наших источниках (например, исследуя историю создания книги и первоначального ее распространения), не постулировав вместе с нашими информаторами, что речь идет именно о сочинении Эфесца, а не о записях какого-то безвестного ученика. Иными словами, мы вынуждены здесь встать на точку зрения древних и держаться ее, а потому должны оговорить, что извлекаемая нами информация — не более чем конструкция, основанная на представлениях древних (а, может быть, и реконструкция основы их представлений), и не может претендовать на достоверность, доколе привлечение самих фрагментов (противники авторства Гераклита ссылаются на них) не позволит решить спор в пользу одной из сторон. О чем мы и предупредили читателя ¹⁴⁴.

И еще одно предупреждение. В отличие от свидетельств о жизни, свидетельства о книге отнюдь не исчерпывают наших источников о ней: ведь и фрагменты, и изложения учения, и практически все прочие не включенные в собрание тексты о Гераклите в конечном итоге восходят к той же книге и могут пролить много света на большинство из рассмотренных ниже воп-

* Настоящая статья является третьей и последней частью комментария к собранию свидетельств о жизни и книге Гераклита, опубликованному в ВДИ, 1974, № 4, стр. 195—218 и 1975, № 1, стр. 229—244, и посвящена № XXVI — XLIII. Предыдущие части — «Жизнь Гераклита Эфесского» (ЖГ) и «Гераклит: современники, легенда, иконография» (ГС) — см. в ВДИ, 1974, № 4, стр. 3—23 и 1975, № 1, стр. 27—48. Для удобства ссылок, нумерация примечаний во всех трех работах — сквозная. Список использованных сокращений см. ВДИ, 1974, № 4, стр. 215—218 и 1975, № 1, стр. 241.

¹⁴⁴ Иной читатель удивится: зачем огород городить? Если древние единомышленны, какие могут быть сомнения? И действительно, если не верить им, кому же верить? Присоединяясь в душе к этому здравому подходу, мы однако хотели бы напомнить, что сомнения все-таки были высказаны и что, отмахнувшись от доводов противной стороны, мы их не опровергнем. Поскольку же в настоящей работе для опровержения по всем правилам нет места, вопрос о принадлежности книги «перу» самого Гераклита должен оставаться открытым.

росов. Однако мы здесь вполне сознательно рассматриваем лишь те тексты, которые отражают личные знания и мнения древних о книге («показания свидетелей»), и полностью игнорируем те другие тексты, которые сами являются частью содержания книги или изложенного в ней учения («вещественные доказательства»), коль скоро сами древние не ссылаются на них. Этот подход — единственный способ, каким мы можем надеяться провести четкую грань между мнениями древних о книге в целом (которой мы лишены) и нашим представлением о том, какой она должна была быть (судя по дошедшим разрозненным обрывкам). Тем самым мы в какой-то степени сократим элемент субъективности, которым мы вынуждены компенсировать недостаточность наших знаний о не дошедшем до нас оригинале.

1. ЧИСЛО «КНИГ». НАЗВАНИЕ (№ XXVI—XXVIII)

Одно сочинение из одной «книги» (№ XXVI—XXVII)

Древние свидетельства о том, что написал Гераклит, достаточно противоречивы. Но ни одно из них не подтверждает современной теории, по которой философ оставил после себя лишь сборник изречений (γνώμα), записанных не им самим¹⁴⁵.

Гераклит написал лишь одно сочинение. Это ясно из текстов под № XXVI. Особенно вески свидетельства Аристотеля (№ XXIIIa) и Диогена (№ XXVIII, где перечислены названия одной книги: αὐτοῖ). Из текстов под № XXVII, где использовано множественное число, № XXVIIa, b не доказывают обратного: контексты Аристотеля и Диодота (№ XXVa) убеждают, что τὰ Ἡρακλείτου (Ἡρακλείτεια) значит лишь «то, что говорит Гераклит», «Гераклитовы слова (способы выражения, мысли и т. п.)». Иначе обстоит дело с № XXVIIc. Здесь мы имеем дело с явными недоразумениями: текст Филона (см. дополнение ** к TS, стр. 231) дошел только в армянском переводе (английский перевод которого мы приводим), в греческом же оригинале могло стоять τὰ Ἡρακλείτου Περὶ φύσεως (ср. № XXVII); Гесихий просто исказил Диогена (№ XXXVIIIa и ашпар); схолиаст неправильно понял Платона, у которого συγγραμματα обозначает писания гераклитовцев (№ XLb); комментарий Давида был, наверное, неправильно записан ἀπὸ φωνῆς (у его современника и единомышленника Илии, явно пользовавшегося теми же источниками, ошибка отсутствует); наконец Теон, по-видимому, книги Гераклита не читавший, скорее всего неправильно понял τὰ Ἡρακλείτου в своем источнике (хотя бы у того же Деметрия: № XXXIIIb). О №№ XXVIIId — *f* см. ниже.

Отсутствие каких-либо упоминаний числа «книг» Гераклита, обозначение его сочинения словами βιβλίον, βιβλος в ед. ч. (единственное ис-

¹⁴⁵ Здесь не место для разбора различных теорий о характере книги Гераклита, поскольку все они опираются почти исключительно на впечатление, производимое сохранившимися фрагментами. Отметим только, что исследователи расходятся в основном по трем вопросам: была ли книга написана «сплошным» текстом или она состояла из отдельных афоризмов? Если последнее, были ли эти афоризмы каким-то образом упорядочены или нет? Наконец, сам ли Гераклит собрал и записал свои изречения или это сделал какой-то его ученик? См. по этим вопросам Diels H² X, XIII et. n. 3; Burnet EGP⁴ 132 п. 5; Gigon UN 8 s.; Deichgräber BDB 20; Walzer E 42 n. 7; Kirk HCF 7, 47; Kirk-Raven 187; Mondolfo ZM 15; Guthrie HGP I 406—408; Marcovich H 256 s.; West EGP 112 s. n. 2; Bollaek-Wiseman HS 27; Mondolfo ETI 24 s. n. 22. Наиболее крайняя точка зрения (книга — сборник устных изречений, записанных учеником) принадлежит Кэрру.

** Упоминаемые здесь и ниже дополнения к TV (testimonia de vita), TS (testimonia de scripto), ЖГ и ГС читатель найдет в конце настоящей статьи (Epimetrum).

ключение — Теон в № XXVIIc), а также текст эпиграммы IX, 540 (№ XXXVIIIb), свидетельствуют, что оно умещалось на *одном свитке* (состояло из одной «книги») ¹⁴⁶. Да и Диоген (№ XXIXa) делит книгу (βιβλίον) на части (λόγους), а не сочинение (σὺ γράμμα) на «книги» (βιβλία).

Особую группу составляют свидетельства, согласно которым Гераклит писал в стихах (см. № XXVIIId — f, к которым можно было бы присоединить и № XXVI f, если бы ποιησις не допускало перевода «произведение»). Ошибочность этого утверждения очевидна. Что же касается его происхождения, то здесь, по-видимому, не может быть единого ответа. Сообщение «Суды» объясняли по-разному, но ни одно из этих объяснений (1) путаница с Эмпедоклом ¹⁴⁷; 2) неправильное толкование названия «Музы» [см. № XXVIII и ниже в комм.] ¹⁴⁸; 3) атрибуция Гераклиту поздних стихотворных переложений его книги [см. № XLIII и комм.] ¹⁴⁹¹⁵⁰ нельзя — за отсутствием каких-либо подтверждающих данных — считать удовлетворительным. Однако если учесть, что в «Суде» (Suda s. ἀναριθμητός) самому Гераклиту приписана эпиграмма о нем (Anth. Gr. VII, 128) и что у Диогена (Diog. Laert., IX, 16) *этой же* эпиграмме предшествуют слова πολλά τ' εἰς αὐτόν ἐπιγράμματα φέρεται (ср. в «Суде» «ἔγραψε πολλά ποιητικῶς»), напрашивается вывод, что ошибка в «Суде» (а также у Олимпиодора [Olymp. in Pl. Gorg. 20, 7]) проистекла из какого-то искажения выражения εἰς αὐτόν φέρεται, такого, что его можно было понять в смысле «приписывается» ¹⁵¹.

Что касается Плутарха (№ XXVIIe, см. также дополнение к TS, стр. 232), то ошибочным, по-видимому, является обычный перевод этого места. Слово ἐπη, именно в силу упоминания Гераклита и несмотря на упоминание рядом Орфея и Гесиода, не могло обозначать здесь стихи, стихотворные строки, а означало строки вообще (ср. Isocr., 12, 136; Lucian., Quom. hist. conscr. 28). Плутарх прекрасно знал книгу Гераклита и не мог утверждать, что она написана стихами. Зато Фичино, Гераклита явно не читавший, видимо «заимствовал» свое мнение у неправильно им понятого Плутарха.

Название книги (№ XXVIII)

Из четырех названий книги Гераклита, приведенных Диогеном (№ XXVIII), только два — «Музы» и «О природе» — являются действительно названиями и только второе из них засвидетельствовано и други-

¹⁴⁶ Этот не совсем строгий (см. West, «Classical Quarterly», 57, 1963, 157; EGPO 7), но весьма правдоподобный вывод имеет большое значение для оценки общего объема сочинения Гераклита. — Этой темы, а также некоторых других, о которых пойдет речь ниже, мы уже касались в ВДИ, 1970, № 3, однако мы хотели бы предупредить читателя, что эта наша первая работа представляется нам теперь весьма незрелой, технически и методически несовершенной, а местами и ошибочной, и просить его не принимать ее во внимание при оценке наших нынешних взглядов. Некоторые выводы в ней уже пересмотрены нами в статье M o u r a v i e v NR 114—122 (о чтении фрагментов В 23 и В 28), к другим мы вернемся в процессе работы над наследием Гераклита, некоторые мы коснемся частично и здесь, причем не оговаривая этого.

¹⁴⁷ Kirk HCF 12 (см. ниже прим. 149); cf. Schmid — Stählin 754 n. 2; S r a ñ á g HFD 360.

¹⁴⁸ «...Μοῦσαι... (daher Suda καὶ ἔγραψε πολλά ποιητικῶς...)» Margovich H 258, NEM 121 n. 2; cf. Mondolfo ETI 58 n. 101.

¹⁴⁹ «As for the composition in verse, this is either due to conflation with Empedocles or to the existence of verse versions like Scythinus', and a hexameter version (see Zeller ZN 810 n.)» (Kirk HCF 12).

¹⁵⁰ Mondolfo ETI 58 n. 101 предлагает еще четвертое объяснение слова πολλά: существование многих «scelte o estratti» единственного сочинения Гераклита. Но ни о каких таких собраниях ничего не известно и ποιητικῶς остается необъясненным.

¹⁵¹ Т. е. в смысле εἰς αὐτόν ἀναφέρεται (ср. Diog. Laert., I, 23). Поскольку ту же ошибку мы находим у Олимпиодора, ясно, что она произошла много ранее составления «Суды». См. тексты, приведенные вслед за № XXVII d.

ми источниками. «О природе» — стандартный заголовок, применявшийся для обозначения многих (но не всех!) философских сочинений досократовского периода. Хотя (вопреки мнению некоторых исследователей) появление этого заглавия-штампа достаточно раннее¹⁵², мы не обладаем однако никакими данными, позволяющими утверждать, что традиция называть философские сочинения книгами «О природе» уже существовало во времена Гераклита и, тем паче, что он ей следовал. Наоборот, имеются данные подтверждающие, скорее, отсутствие самого понятия «названия» книги¹⁵³. Вместо заголовка употреблялась формула типа «Такой-то сказал следующее» или «Это слова такого-то», к которой чаще всего примыкало краткое изложение цели или темы сочинения¹⁵⁴.

Происхождение другого названия — «Музы» — загадочно¹⁵⁵. Правда, в эллинистическую эпоху, когда «История» Геродота была разделена на девять книг, каждая из них получила название по имени одной из Муз; ритор Бион и римский писатель Аврелий Опиллий также назвали «Музами» свои сочинения из девяти книг. Но трактат Гераклита не состоял из девяти книг, а ни о каком другом основании для употребления этого названия нам не известно. Другое объяснение связывает название «Музы» с прозвищем «Ионийские Музы», которое Платон (Soph. 242D) дает Гераклиту, противопоставляя его «Сицилийским Музам», т. е. Эмпедоклу¹⁵⁶. Но это объяснение лишь переносит проблему во времени: не так уж трудно понять,

¹⁵² Первоначально это «название» было простым кратким обозначением содержания данного философского сочинения: «книга (такого-то) о природе», которое впоследствии стало постепенно восприниматься как заголовок книги. Сознательное употребление этого названия можно, по-видимому, предполагать уже у Эмпедокла (которому принадлежит и другая поэма — «Очищения») и оно несомненно у Мелисса, назвавшего свою книгу *Περὶ φύσεως ἢ περὶ τοῦ ὄντος* (S i m p l i c., Phys. 70, 16; De caelo 577, 10 [= 30 A 4 DK]. Ср. Reale MTF 22 s.) и у Горгия, написавшего против Мелисса и других элейцев пародическое сочинение *Περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως* (S e x t., Adv. math. VII, 65 [= 82 B 3 DK]). См. Guthrie HGP 173 et n. 2. Хейдель (Heidel ПФ 81) и Вердениус (V e t d e n i u s NP 272 s.) правы, датируя появление этого заголовка V веком до н. э., но тексты, на которые они ссылаются, малоубедительны (H i p p o c r., De vet. med. 20; P l a t o, Lys. 214 V, Phaed. 96 A; E u r i p., fr. 910 Nauck; X e n., Mem. I, 1, 11; A r i s t., De gen. et corr. 333 b 18, Phys. 185 a 18). См. еще V u r n e t EGP⁴ 11 s., 131 et n. 5 (cf. 115 n. 5), F r e n k i a n HE 15, S p a ã r HFD 360, M o n d o l f o ар. ZM I 60, ETI 52 n. 68. Мнение Кэрка (K i r k HCF 7, 37 n.; K i r k — R a u e n 101, 102 n. 1) о том, что название «О природе» было изобретено перипатетиками для сочинений тех философов, которых Аристотель называл *φύσικοι*, не выдерживает критики. Ср. еще 24 A 2 DK. — Книга E. Schmalzriedt PP (см. ВДИ, 1975, № 1, стр. 241) осталась мне недоступной.

¹⁵³ «Auch aus der Formulierung des Diogenes IX, 5 (= наш № XXIXa)... sieht man, dass ein Titel nicht bekannt war» (M a r c o v i c h H 257).

¹⁵⁴ Ср. дошедшие до нас полные начала сочинений Гекатея (1 F 1 FGtH), Алкмеона (24 B 1 DK), Геродота (H e r o d., I, проеом.), Фукидида (T h u c., I, 1, 1—3) и Антиоха Сиракузского (FHG I 181), к которым, может быть, следует добавить Демокрита (№ 9 Лурье=68 B 165 DK; 68 B 35 DK; № XIV Л. = 68 B 299 DK). Мы также располагаем неполными началами (без формулы, вводящей имя автора) сочинений таких авторов, как Ферекид, Ксенофан (?), Парменид, Мелисс, Ион Хиосский, Филолай, Архит, Анаксагор, Диоген Аполлонийский, Метродор Хиосский, Анаксарх (?), Протагор и Гипсий, если называть только досократиков. Существует много попыток реконструировать вступительную формулу книги Гераклита: см. Z e l l e r ZN 792; W i l a m o w i t z EN² 186; D i e l s H² 16, FVS I 77, DK I 150 n.; H. G o m p e r z PS 105 n. 37; C a p e l l e EF 202, VS 122; F r e n k i a n HE 15; W e s t EGPO 9, 113. См. также ниже, прим. 168.

¹⁵⁵ Шустер (S c h u s t e r H 57) приписывал его самому Гераклиту, считая, что каждой из частей, названных в № XXIX a, соответствовала одна из трех «древнейших» Муз. Однако деление книги Гераклита на части вряд ли восходило к самому философу (см. комм. к № XXIX — XXX).

¹⁵⁶ Таково мнение практически всех исследователей, см., например, K i r k HCF 10; M a r c o v i c h H 258; M o n d o l f o ETI 52 n. 67.

почему *поэт* Эмпедокл назван «Музами»¹⁵⁷ (хотя множественное число и здесь вызывает недоумение); но Гераклит-то писал не стихами, его сочинение не пели рапсоды¹⁵⁸, и вряд ли его «поэтический» слог был сам по себе достаточным основанием для такого прозвища¹⁵⁹. Вопрос этот явно требует дополнительных исследований, в частности, тщательного изучения «необычных» значений слова *μουσα*, отличных от «Муза» и «песня». Несколько интересных с этой точки зрения текстов читатель найдет в примечании к настоящему месту¹⁶⁰. Надо, однако, подчеркнуть, что ни один из этих текстов не позволяет одновременно и однозначно истолковать и платоновское выражение и название книги Гераклита, т. е. подобрать такое значение, которое одинаково бы характеризовало и произведение и автора его. По-видимому, следует предположить, что Платон сыграл на двойном значении слова *μουσαι*, имени нарицательного и имени собственного, и что подобная «метасемия» (здесь: приравнение к Музам авторов *μουσῶν*) была не редкостью. Читатель уже почувствовал, куда мы клоним: видимо, одно из (редких) значений *μουσαι* соответствовало приблизительно латинскому *quaestiones* (т. е. обозначало «спрашивания», «поиски», «исследования»).

Третье «название», конечно, не название, а motto. Грамматик Диодот (о котором мы знаем только, что он комментировал Гераклита [см. № XLIIIa, b] и считал, что сочинение философа не о природе, а о государстве [см. № XXXa и комм.]¹⁶¹) сжато выразил ямбическим стихом то, в чем, по его мнению, заключается ценность книги Гераклита: для него она «наилучшее кормило для начертания жизни» (ср. Eur., Ion 1514), причём из № XXXa ясно, что Диодот имел в виду жизнь общественную, а не индивидуальную¹⁶².

¹⁵⁷ Эмпедокл сам несколько раз упоминает Музу (fr. 14, 27 Bollack = 31 В 3, В 4 DK).

¹⁵⁸ См. ЖГ, стр. 10.

¹⁵⁹ Contra Margovich Н 258 («kannte er (Platon) in H. den Prosadichter»). Ἰάδες Μούσαι у Климента и Musae у Лукреция (если последнее чтение правильно) восходят к Платону: как у него это выражение использовано в качестве прозвища философа, а не названия его книги.

¹⁶⁰ Plato, Cratyl. 406 A τὰς δὲ Μούσας τε καὶ ὅλως τὴν μουσικὴν ἀπὸ τοῦ μῶσθαι, ὡς ἔοικε, καὶ τῆς ζητήσεως τε καὶ φιλοσοφίας τὸ ὄνομα τοῦτο ἐπωνόμασε «А Муз и вообще мусическое искусство он (= законодатель имен) назвал именем, обозначающим и поиск и стремление к мудрости, по-видимому, от слова μῶσθαι (искать)» [καὶ τῆς ζητήσεως τε καὶ φιλοσοφίας — дополнение к τὸ ὄνομα τοῦτο, ибо 1), ὡς ἔοικε, καὶ... τε и отсутствие второго ἀπὸ отгораживают τῆς ζητήσεως от ἀπὸ τοῦ μῶσθαι и 2) μῶσθαι пригодно в качестве этимологии для *μουσα* только если *μουσα* = *ζητήσις*, а не «Муза» или «песня»; Платон видимо выводит последние из «поиска». Ср. еще μῶσαι (Epicur., fr. 117 K.), ζητεῖ, τευναεῖ, Hesych.; μῶμεθα ζητοῦμεν H.; μῶσο (Epicur., 23 В 37 DK =, fr. 288 K.). ζητεῖ (цит. по Boisacq s. μῶσθαι).] Cf. Schwyzer GG I 473 n. 5

Thémist., Or. 26, 348 D τῶς δὲ τριχῆ διέσπαστο (sc. φιλοσοφία)... καὶ χωρὶς μὲν ἴσαν αἱ Ἰταλιώτιδες Μούσαι, χωρὶς δὲ αἱ Συκελικαί, χωρὶς δὲ ὁ χῆρος τῶν Ἰάδων «Прежде (= до Платона) она (= философия) была разбита на трое: отдельно Итальянские Музы, отдельно Сицилийские и отдельно — хор Ионийских.»

Etym. Gud. s. *μουσα* γνῶσις, παιθευσις, θεωρία, αἰδῆ, μορφή καὶ ὄνομα κύριον.

Schol. in Eurip. Phoen. 50 («αἰνίγμ' ἐμὸς παῖς Οἰδίουπος Σφιγγὸς μαθῶν») τινες γράφουσι μῶσας ἐμὸς παῖς, ὃ καὶ βέλτιον. μῶσας δὲ φησὶ τὰ αἰνίγματα διότι ἐμμελῶς προσεφέρετο τότε ἡ Σφίγξ. Однако это объяснение (ἐμμελῶς) опровергается стихами 1028 ἀλυρον ἄμφι μῶσαν (= τὸ αἰνίγμα schol.) и 807 ἀμουσάτασι σὺν ὤδαις (legendum *μουσαις*?) (ὠιδῶν κακῆμουσον τὸ αἰνίγμα φησιν schol.). В стихах 50 и 1028 *μουσα*, стало быть, значит что-то вроде «мудреный вопрос», но в 1028 и, может быть и в 807, обыгрывается и второе значение — «песнь», ибо Сфинга *пела* свои загадки, хотя и весьма немзыкально и мрачно.

¹⁶¹ Возможно, что речь идет о Диодоте Сидонском (см. RE, s. Diodotos nr. 15. 12), брате перипатетика Боэта и члене Лицея (III в. до н. э.). См. Kirk HCF 11; Margovich Н 259; Mondolfo ETI 52 n. 69.

¹⁶² Уэст (West EGPO 112 n. 4) остроумно объясняет включение этого «заголовка» в диогеновский список названий книги именно тем, что Диодот противопоставлял его предшествующему стандартному названию «О природе».

Самым таинственным из всех является четвертое название ¹⁶³, и в первую очередь потому, что оно, qua название (или motto, подобное диодотовскому стиху), которому приписывается «стойко-киническое» ¹⁶⁴ или, во всяком случае, эллинистическое происхождение, не поддается никакому вразумительному чтению. Сие по следующим причинам: во-первых, ни одно из значений $\gamma\nu\omega\mu\eta$ в $\kappa\omicron\iota\nu\acute{\eta}$ — «мнение» (D.I. 1) «совет» (2), «уважение» (3); «намерение» (D.II); «решение», «приговор» (D.III), ни даже устаревшие в эллинистическую эпоху «интеллект», «ум» (C.II) — не допускает родительного дополнения (genetivus obiectivus), вследствие чего $\gamma\nu\omega\mu\eta$ ἡθῶν или $\gamma\nu\omega\mu\eta$ ἡθῶν τρόπου непереводимо ¹⁶⁵; во-вторых, сочетание τρόπου κόσμος ἐνός τῶν ξυμπάντων (даже принимая во внимание τρόπου κόσμος «умеренность характера» у Элиана [Var. hist. VI, 12]) бессмысленно: «умеренность характера единого из всех»; в-третьих, если τρόπον относить к предшествующему, κόσμος ἐνός τῶν ξυμπάντων слишком неопределенно по смыслу: «порядок единого из всех». Первая трудность вызвала исправления ἦτοι (Бернайс) или $\gamma\nu\omega\mu\omicron\nu\alpha$ (все прочие чтения кроме Уэста); из-за второй появились эмендации τρόπου κόσμου (Бернайс), ἐνα ἀντί (Кюстер), ἐνωσιν (Рейске), τρόπιν... τε... τε (Дильс₁), τε... τε (Дильс₂), ἐνα (Кранц), ἡ τροπᾶς (Дейхгребер), ἐν ἀντί (Уэст₁). Третья трудность повлекла чтение ἐνα τὸν ξυνοὺ πάντων (Уэст₂) и осталась непреодоленной в чтении Апелъта ¹⁶⁶. (Экстравагантные чтения Дильса исходят оба из допущения, что «название» являлось продолжением стиха Диодота, чего якобы не понял Диоген.) Многочисленность требуемых исправлений делает крайне невероятной правильность хотя бы одного из предложенных чтений (чтение же Апелъта не имеет того значения, которое ему придается ¹⁶⁷).

¹⁶³ Некоторые исследователи (например, Kirk HCF 10; Marcovich EFG 53 = TK 281; Deichgräber REL 73 = 549; West EGPO 112 n. 1; Monodolfo ETI 11, 52 s. n. 70) считают, что мы здесь имеем два, а то и три названия. Но Диоген четко выделяет все остальные названия (οἱ μὲν..., οἱ δὲ..., Διδότος δὲ..., ἄλλοι...) и должен был поступить также и здесь (например, вставив ἢ между ними, что имело бы и дополнительное преимущество, так как была бы устранена неопределенность τρόπου, которое можно отнести как к ἡθῶν, так и к κόσμου).

¹⁶⁴ Kirk HCF 10; Marcovich EFG 53 s. = TK 281 s., H 258.

¹⁶⁵ Это не помешало Уэсту (West EGPO 112 n. 1, см. ниже прим. 166, в конце) допустить возможность обоих этих чтений. К сожалению, он их не сопровождает переводом и потому неясно, как он их понимает (ссылка на фр. В 78 Гераклита недостаточна). — Эволюции значений $\gamma\nu\omega\mu\eta$ посвящена наша работа (имеющая форму словарной статьи) Mouchaviev G 69—78, где читатель найдет соответствующие рубрики. В эллинистическую эпоху значение A.I, A.II, B.I, B.II и C.II вышли из употребления, а значение C. II («интеллект», «разум») казалось архаичным уже Галену (Galen. in Hippocr. Off. I, 1, XVIII B 656,2 K. = 88 B 39 DK).

¹⁶⁶ Привожу список предлажавшихся чтений: $\gamma\nu\omega\mu\eta$ ἦτοι τρόπου κόσμου, ἐνός τῶν ξυμπάντων («ratio, id est vicissitudo ordinis, qui est unus omnibus») Bernays GA 8 n. 3, acc. Bwäter HER 58,1 (sed ret. †ἡθῶν†); $\gamma\nu\omega\mu\omicron\nu\alpha$ ἡθῶν, κόσμου τρόπου, ἐνα ἀντί ξυμπάντων (conl. B 49) Küster ap. Diels FVS⁴ I 70 n.; $\gamma\nu\omega\mu\omicron\nu$ ἡθῶν, τρόπου κόσμου («decoram morum conformationem»), ἐνωσιν τῶν ξυμπάντων Reiske, «Hermes», 24, 1899, 322; <καὶ ἡθῶν ἡθῶν, <τοῦ θ' ἔλου> κόσμου τρόπιν / ἐνός τε συμπάντων <τε> («Missverständnis des Diogenes; vermutlich Fortsetzung der Diodotverse») ci. Diels H² 6, acc. Hicks DL ad loc. (sed sine καὶ et ret. ξυμ.); <καὶ ἡθῶν ἡθῶν <καὶ καλόν> κόσμου τρόπου / ἐνός τε συμπάντων <τε> («vielleicht ursprünglich Fortsetzung der Verse des Diodotos») ci. Diels FVS⁴ I 70 n.; $\gamma\nu\omega\mu\omicron\nu$ ἡθῶν τρόπου, κόσμου ἐνός τῶν ξυμπάντων («Richtmass für die Charakterbildung, Welt des Einen, dem sich alles fügt») Apelt DL ad loc.; $\gamma\nu\omega\mu\omicron\nu$ ἡθῶν, τρόπου κόσμου (post P. von der Mühl, conl. Aelian., Var. hist. VI, 12 fin.) ἐνα τῶν ξυμπάντων Kranz DK I 142,19, acc. Walzer E 9, Kirk HCF 10, Kerschenssteiner K 102 n. 2, Long DL ad loc., Marcovich EFG 53 ss. = TK 281, s., HEM 266; $\gamma\nu\omega\mu\omicron\nu$ ἡθῶν ἡ τροπᾶς κόσμου ἐνός τῶν ξυμπάντων ci. Deichgräber REL 73 = 549; $\gamma\nu\omega\mu\eta$ ἡθῶν (= B 78), τρόπου κόσμου (Aelian., VH VI, 12), ἐν ἀντί ξυμπάντων (= B 29) ci. West EGPO 112 n. 1; $\gamma\nu\omega\mu\eta$ ἡθῶν τρόπου, κόσμου ἐνα τὸν ξυνοὺ πάντων (= B 89, B 30) ci. West ibid.

¹⁶⁷ «dem sich alles fügt» — оченьвольная трактовка гевитива τῶν ξυμπάντων.

Из всех этих неудач можно сделать вывод, что исходные позиции исследователей были неверными и что название не является ни эллинистической (стойко-кинической) характеристикой книги, ни продолжением стиха Диодота. Наличие слова $\gamma\nu\omega\mu\eta$ в каком-то древнем значении, допускающем родительный дополнения, отмеченный в DK (ad loc.) Heraklitstil этой фразы и ряд других соображений наводят на мысль, что то, что мы имеем здесь, не название и не motto, а самое начало книги Эфесца, те слова, в которых излагалась тема или цель сочинения сразу после формулы типа «Гераклит Эфесский говорит...» или «Это слова Гераклита Эфесского...»¹⁶⁸. Нет надобности пояснять, как такое начало могло превратиться в название книги при занесении какой-либо ее рукописи, не имевшей заглавия, на $\pi\acute{\iota}\nu\alpha\kappa\epsilon\varsigma$ какой-нибудь древней библиотеки. Поскольку в этом случае речь пойдет о фрагменте, гипотеза эта будет рассмотрена и аргументирована в той части нашей работы, которая будет посвящена фрагментам.

(Что же касается трех сочинений «Гераклита», упомянутых у Плутарха [см. дополнение к TS стр. 232] — а именно: «Зороастр», «О том, что в Аиде» и «О вопросах, затруднительных для физики» — они, конечно же, принадлежат Гераклиду Понтийскому).

2. ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ФРАГМЕНТОВ (№ XXIX—XXXII)

Содержание книги и ее трех частей (№ XXIX)

Свидетельства древних об общем содержании книги Гераклита крайне скудны, неопределенны, а подчас, казалось бы, и противоречивы. Тем не менее только они могут помочь нам посмотреть на сочинение философа глазами людей, читавших его и знавших — в отличие от нас — то, о чем они говорили. Однако для этого (вопреки обычной практике исследователей) необходимо изучить их сообщения сами по себе, не привлекая сохранившихся фрагментов книги и свидетельств об учении Эфесца в качестве критерия для оценки достоверности сообщаемых сведений. Иначе мы рискуем подменить их мнение своим и проглядеть то, о чем молчат и фрагменты и доксография.

Наиболее важное из этих свидетельств — диогеновское сообщение о делении книги на три «логоса»: это единственная дошедшая до нас древняя информация о *структуре* книги (№ XXIХа). Но свидетельство Диогена важно и в двух других отношениях: во-первых, из него можно заключить, что во времена Диогена (т. е. в III в. н. э.) книга Гераклита еще существовала (см. об этом ниже, в комм. к № XLII—XLIII); во-вторых, оно ценно и своим указанием на общее содержание книги.

¹⁶⁸ Этому не противоречат сообщения о том, что книга Гераклита начиналась с фр. В 1 (см. № XXXIIa, b и комм.), поскольку структура «шапок», с которых начинались древнейшие прозаические произведения оставляет место для целых *трех* начал: 1) Автономическая формула типа «Такой-то говорит следующее» или «Это слова такого-то» (см. тексты, упомянутые в начале прим. 154); 2) начало вступления, излагающего тему или цель сочинения, и 3) начало собственно изложения. Ср. A l s t a e o n., 24 В 1 DK (1) Ἀλκμαίων Κροτωνιήτης τὰδε ἐλεξε Πειρίθου υἱὸς Βροτίνου καὶ Λέοντι καὶ Βαθύλλου· (2) περὶ τῶν ἀφανέων (ἀθανάτων?), περὶ τῶν θυγῶν σαφῆναια μὲν θεοὶ ἔχοντι, ὡς δὲ ἀνθρώποις τεκμαίρεσθαι... H e s a t a e u s, 1 F 1 FGnH (1) Ἐκαταῖος Μιλήσιος ὡς μὲν μὲνδεται· (2) τὰδε γράφω ὡς μοι δοκεῖ ἀληθεῖα εἶναι... Herodot. I, proem. (1) Ἡρόδοτος Ἀλικαρνησέος ἱστορίης ἀποδείξεις ἦδε, (2) ὡς μήτε τὰ γενόμενα ἐξ ἀνθρώπων τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γένηται, μήτε ἔργα μεγάλα τε καὶ θωμαστά, τὰ μὲν Ἕλλησι, τὰ δὲ βαρβάρουσι ἀποδεχθέντα, ἀκλεῖα γένηται, τὰ τε ἄλλα καὶ δι' ἣν αἰτίην ἐπολέμησαν ἀλλήλοισι. (3) Περσέων μὲν νυν... У Фукидида вторая составная часть начала (изложение темы) состоит из одиннадцати строк оксфордского издания (OCT), т. е. из приблизительно 110 слов.

Творение Гераклита было по своему главному содержанию (*ἀπὸ τοῦ συνεχούτος*) «о природе». Объективно, это может означать две вещи: либо книга действительно имела в качестве *основной* темы какую-то космологическую и/или космогоническую теорию, либо Диоген (или его источник) заключили об этом на основании стандартного названия «О природе», которое книга Гераклита могла получить просто в качестве философского произведения, явно стоящего в одном ряду с сочинениями других ранних досократиков. Но чтобы стоять в одном ряду с ними, сочинение Эфесца должно было хотя бы *частично* касаться «природы вещей». Это подтверждается и характеристикой Гераклитовой «письменной речи», которую мы находим у Псевдо-Дария (*№ XXIXb*), [а также, возможно, примечанием Секста (или какого-то интерполятора) к фрагментам В 1 и В 2 Гераклита (цит. вслед за *№ XXIXb*)¹⁶⁹, и четвертым «названием» книги Гераклита (*№ XXVIII*)]. Отметим, однако, что у Псевдо-Дария речь идет не о всей книге, а только о том в ней что «Дарий» понял (*ἐν τισι...*, ср. *№ XXXVIc*) [Секст же касается только фрагментов В 1 и В 2.] Эти ограничения, плюс перечень «логосов», на которые, по Диогену, делилась книга, говорят скорее в пользу второй альтернативы: «природа вещей» была не единственной и, быть может даже, не главной темой Гераклита, хотя он вне всякого сомнения ее касался.

Само деление на три «логоса» вызвало ряд недоуменных вопросов, на некоторые из которых нельзя с достаточной уверенностью ответить без предварительного тщательного изучения всего гераклитовского наследия. Тем не менее можно, более того — *нужно*, исследовать уже сейчас вопрос о допустимости той или иной интерпретации с тем, чтобы впоследствии установить, какая из них наилучшим образом согласуется с имеющимся у нас материалом и позволяя наилучшим образом его упорядочить.

Вопрос первый: обозначают ли «логосы» пространственные *части* или просто основные *темы* книги Гераклита, независимо от их расположения? Здесь можно со всей определенностью ответить¹⁷⁰, что речь идет именно о *пространственном* делении: перфект *διήρηται* («разделена») не оставляет места для иного толкования (разве что сам Диоген неверно истолковал свой источник, но оснований для такого предположения у нас нет никаких).

¹⁶⁹ D e i c h g r ä b e r REL71 s. = 547 s. обращает внимание на то, что ἡ δὲ может отсылать только к *ἰδέα φρονήσεως* из фр. В 2 (см. А 16, 132 DK), что нелено, и предлагает читать ἡ δὲ (sc. ἐξήρηται) и рассматривать все предложение как «Randnotiz». К этому надо добавить, что, по-видимому, все слова от «*διο...*» (В 2) до *ψευδόμεθα*, за исключением нашей фразы, мыслились Секстом как одна сплошная цитата (ср. H e g e l VGP I 447 = G e t t e l e S IX 260, где весь этот кусок приписан Гераклиту), которую он добросовестно всю *пересказывает* для ясности в следующем, 133-м, параграфе; предложение же ἡ δὲ — *διοικήσεως* в пересказе не отражено. Кроме того, *αὐτοῦ* в *αὐτοῦ τῆς μνήμης* (132) явно отсылает к *ἕνός λόγος* из В 2, а не к *τρόπος τοῦ παντός διοικήσεως* (ср. 133 *ταῖς κοινῶν κρινόμενα λόγοι*). Так что Дейхгребер, скорее всего, прав. Но в отличие от него мы склонны считать, что ἡ δὲ — *διοικήσεως* относилось не к одному фр. В 2 или к следующей фразе (*διὸ καθ' ὅ τι — ψευδόμεθα*), а ко всему Секстову изложению (§ 129—134), или, во всяком случае, к § 132—134. Что касается причины такого несколько неожиданного толкования, то, может быть, оно, не говоря о стоических реминисценциях, было как-то связано с названием первой части книги Гераклита, куда входили В 1 и В 2 (ср. *τῆς τοῦ παντός διοικήσεως* и *περὶ τοῦ παντός*). Это снижает ценность содержащейся в нем информации, ибо, как будет видно из дальнейшего, *περὶ τοῦ παντός* вряд ли обозначало собственно физическое учение Эфесца (но см. ниже прим. 182).

¹⁷⁰ Вопреки Дильсу (D i e l s H²⁴). — Популярную теорию о том, что речь идет о делении не самой книги Гераклита, а какого-то александрийского сборника избранных изречений философа (D i e l s H²⁴ 4; FVS⁴¹ 68 n.; DK I 140 n.; K i r k HCF 7; M a r s o v i c h H 258; cf. M o n d o l f o ETI 25), мы не рассматриваем, ибо о таком сборнике нам ровным счетом ничего не известно. Да и небольшой объем книги Гераклита не требовал составления такого сборника (D e i c h g r ä b e r BDB 20), тем более, если книга уже сама была, как считает Кэрк, собранием «гнома» (W e s t EGPO 112 n. 2).

Вопрос второй: восходит ли это деление к самому Гераклиту? Здесь также можно со всей определенностью утверждать, что нет, ибо, во-первых, отдельные философские дисциплины, еще не были выделены в его время как таковые, а во-вторых, сама практика «рубрикации» была тогда неизвестна¹⁷¹.

Вопрос третий: отражает ли все-таки это послегераклитовское деление действительную структуру книги и если да, то в какой мере? Иными словами, рассматривал ли Гераклит последовательно каждую из трех указанных тем или же это деление было искусственно наложено на его книгу? На этот вопрос гораздо труднее ответить определенно¹⁷². Тем не менее можно попытаться чисто умозрительно определить вероятность того или иного ответа. Чисто искусственные деления были не редкость в эллинистической науке: бралось произведение и делилось на более или менее равные части, независимые от содержания, каждая из которых получала название либо по тому вопросу, которому в ней было уделено больше места, либо просто по словам, с которых оно начиналось¹⁷³. Смысл такого деления был связан с филолого-издательской практикой: надо было, скажем, чтобы каждая часть умещалась на стандартном свитке и имела свое название, отличающее ее от остальных¹⁷⁴. Однако деление книги Гераклита на три части не могло иметь такой цели, ведь она вся умещалась на одном свитке. Поэтому вероятнее вторая альтернатива, а именно: деление было делом рук не библиотечных филологов, а скорее — философов, пожелавших выделить основные разделы Гераклитова учения. В пользу этого говорят и сами названия, в которых нет ничего условного (в отличие, например, от названий каждой из девяти Геродотовых книг). Поэтому наличие хоть какого-то соответствия между содержанием книги и заголовками ее частей следует считать правдоподобным.

Это приводит нас к четвертому вопросу: кто были эти философы? К сожалению, здесь также нельзя рассчитывать на сколько-нибудь определенный ответ. Правда, многие считают, что деление книги Гераклита — стоическое и, более того, связано с клеантовской классификацией философских дисциплин¹⁷⁵. Действительно, известно, что стоики делили философию на *Логик*, *Этику* и *Физику*, причем Клеант подразделял соответственно каждую из них на *диалектику* и *реторику*, *этику* и *политику*, *физику* и *теологию*¹⁷⁶. Было замечено что три последние подразделения

¹⁷¹ Schuster H 57 был иного мнения (см. выше, прим. 155) и использовал это деление для восстановления порядка фрагментов. Также поступил и Байуотер (B water HER). См. еще Gilbert HS 163; Chevalier HP 85. Но одно дело — приписывать Гераклиту само деление, а другое — видеть в нем указание на первоначальную структуру книги (последнее правомернее, при условии, что значение каждой части правильно определено). Ср. след. прим.

¹⁷² Примеры двух противоположных мнений: «It is not to be supposed that this division is due to Herakleitos himself; all we can infer is that the work fell naturally into these three parts...» (Burnet EGP⁴132; cf. West EGPO 112) и «Die Einteilung der Schrift in drei Logoi... ist ohne Belang» (Marcovich H 258) — см., однако, следующее за этим утверждение, приведенной ниже, в прим. 183. Маркович ссылается при этом на «drei ähnliche Schriften bei Diogenes VIII 6», где Пифагору приписаны книги Πυθαγορείων, Πολιτικόν и Φυσικόν (см. еще Suda s. Πυθαγόρας; Schol. in Plat. RP 600B).

¹⁷³ Последним способом озаглавлены многие книги Гиппократовского корпуса.

¹⁷⁴ Таковы все деления на «книги» (или «песни») ранних литературных произведений, например «Истории» Геродота. — Diels FVS⁴ I 68 n. = DK I 140 n. толкует τρεῖς λόγοι как «3 Bücher», что невозможно ввиду ед. числа (τὸ δὲ φερόμενον... βιβλίον) в контексте.

¹⁷⁵ Burnet EGP 132; Deichgräber BDB 19, 20 n. 14; Kirk HCF 7; Spanár HFD 362; Marcovich H 258 et al.

¹⁷⁶ Chrysipp., ap. Plut. Stoic. repugn. 1035 A (= SVF II nr. 42); Diog. Laert., VII, 39 (= SVF II nr. 37) etc. (v. SVF II nr. 35—44). Деление Клеанта: Diog. Laert., VII, 41 (= SVF I nr. 482) ὁ δὲ Κλεάνθης ἐξ μέρου φησὶ (sc. τοῦ κατὰ φιλοσοφίαν λόγου) διλεκτικόν, ῥητορικόν, ἠθικόν, πολιτικόν, φυσικόν, θεολογικόν.

совпадают с названиями частей книги Гераклита. Однако такое совпадение вряд ли является достаточным основанием для того, чтобы приписывать стоикам деление книги Гераклита. Во-первых, потому что стоики не называли физику наукой *περὶ τοῦ παντός*, а пользовались прилагательным *φυσικός*¹⁷⁷. Во-вторых, потому что у них *τὸ πᾶν* имело специальное техническое значение «ограниченная вселенная (*τὸ ὄλον*) плюс беспредельная пустота (*τὸ ἄπειρον κενόν*), которая ее окружает»¹⁷⁸. В-третьих, потому что у них теология была практически неотделима от физики, ибо они мыслили божество как действующее начало, разлитое во всем мире и приводящее в движение инертное начало — материю (а вопрос о природе богов входил в физику наравне с такими вопросами, как природа животных и растений или человеческой души)¹⁷⁹. Предполагать же, что они усмотрели у Гераклита часть, посвященную миру и окружающей его пустоте, и часть, посвященную миру же в его божественной ипостаси (или природе отдельных богов), вряд ли правомерно. К тому же, как было уже справедливо замечено¹⁸⁰, такие философские дисциплины, как политика и теология, были известны и до стоиков, а также и другим философским школам. Поэтому, чем попусту гадать об авторах деления книги на части, гораздо полезнее рассмотреть значения названия каждой из них.

Основная трудность такого рассмотрения, как это отметили многие исследователи заключается в том, что непонятно, как «физика» Гераклита (*λόγος περὶ τοῦ παντός*) могла быть отрезанной от его «теологии»¹⁸¹. Действительно, даже без какого-либо анализа фрагментов ясно, что ни о каком раздельном изложении вопросов «физических» и вопросов «теологических» не может быть и речи у ранних досократиков. Вопрос о (физической) природе богов у них рассматривался в связи с физикой, а противоположность божественного и физического (т. е. духовного и материального) началá еле-эле обозначаться у Анаксагора и была впервые осознана Платоном. Обычные у ранних досократиков отождествление первоначала с божеством или обожествление светил также не позволяют провести какую-либо грань между физическим и божественным. Из этой трудности многие заключили о недостоверности или ненадежности приведенного у Диогена деления. Однако возможно и другое решение: не толковать первую часть как часть физическую, а попытаться найти ей другое толкование. В конце концов, должна же существовать причина, по которой ее не назвали *λόγος φυσικός*! Самый простой выход — отказаться от обычного понимания *τὸ πᾶν* в смысле «вселенная», *universum*, и понимать *περὶ τοῦ παντός* буквально «обо всем вместе, о совокупности», противопоставляя ему названия двух остальных частей, где речь идет об отдельном. Иными словами, надо трактовать *τὸ πᾶν* не как «совокупность всех вещей», а как «совокупность всех предметов философии» (ср. англ. «the whole matter»). Если эта интерпретация верна, из нее следует, что первая часть творения Гераклита касалась, по мнению авторов деления, не отдельных философских наук, а каких-то общефилософских вопросов, или,

¹⁷⁷ SVF II nr. 42 et passim.

¹⁷⁸ SVF II nr. 522—525.

¹⁷⁹ SVF II nr. 299 ss.

¹⁸⁰ West EGPO 112: «Stoics were not the first to distinguish politics and theology as branches of study».

¹⁸¹ Diels FVS¹ I 68 n., DK I 140 n.: «Wie kann, nach unseren Fragmenten zu urteilen, der *λόγος περὶ τοῦ παντός* vom *θεολογικός* getrennt gewesen sein!»; Kirk HCF 7: «The fragments about god cannot be separated from the physical fragments». Для такого вывода нет надобности даже прибегать к фрагментам, это общее правило для всей досократической философии.

во всяком случае, не могла быть отнесена ни к какой одной философской дисциплине, а состояла из *miscellanea*¹⁸².

Название второй части не оставляет места для каких-либо разногласий: λόγος πολιτικός несомненно был посвящен вопросу об управлении городом-государством.

Наконец, поскольку книга Гераклита была все-таки о природе, ясно что эта тема и составляла основу третьей части. Названа же она λόγος θεολογικός, ибо в ней шла речь о «божественных» вещах: о мире, о первоначале, о светилах и т. п.¹⁸³

Такова наиболее правдоподобная структура книги Гераклита, какую можно извлечь а priori из сообщения Диогена. Разумеется, не исключено, что исследование самих фрагментов заставит нас внести в эту схему какие-то уточнения и исправления, а то и вовсе отказаться от нее, если окажется, что деление книги на части было искусственным и не учитывало ее реального содержания. Если же между названиями частей и структурой книги действительно имелся какой-то гомоморфизм, наши выводы могут оказаться весьма полезными для восстановления первоначального порядка фрагментов.

Особые мнения Диодота и Секста (№ XXX)

Кое-какие дополнительные штрихи к этой схеме можно извлечь из двух «особых мнений» о содержании книги Гераклита, высказанных Диодотом и Секстом. Диодот считал, что сочинение Гераклита было целиком посвящено политике (№ XXX a)¹⁸⁴. Это подтверждает наличие у Гераклита политических рассуждений. А слова Диодота о том, что «то, что у Гераклита о природе», является на самом деле цитированием о политике, подтверждают, что кое-что о природе у него было сказано, хотя, по-видимому, не так уж много. Это хорошо согласуется с нашей гипотезой о значении περί τοῦ παντός и с последним местом «теологической части» в сочинении философа. Разумеется, толкование всей книги как произведения, исключительно политического, целиком лежит на совести Диодота, но и его надо взять на заметку, так как восстановленный порядок фрагментов должен будет допускать и такой взгляд¹⁸⁵. Ср. № XXXVIII c!

¹⁸² Интересно предположение Гильберта (Gilbert HS 163) о том, что λόγος περί τοῦ παντός содержал Гераклитову полемику против учений его предшественников (однако дальнейшее рассуждение Гильберта о содержании этой полемики — плод его воображения). — Разумеется, *miscellanea* могли касаться и физических вопросов (см. выше, прим. 169, конец).

¹⁸³ Ср. тонкое наблюдение Марковича (Markovitch H 258): «Trotzdem, nach dem Inhalt der erhaltenen Fragmente darf man vielleicht vermuten, dass H. in seiner Schrift über Logos (die Metaphysik, mit frg. 1 beginnend) abgesehen von der Feuerlehre (Physik usw., mit frg. 30 beginnend) gesprochen hat». Интерпретация же первой части, как части о Логосе, очень привлекательна, но согласовать ее с сообщением Диогена можно только при помощи рискованной эмэндации, например: τὸν περί (τοῦ λόγου) τοῦ παντός или τὸν περί τοῦ (τοῦ) παντός (λόγου) (ср. SVF I nr. 87 τὸν τοῦ παντός λόγον, ὃν εὖτε εἰσαρμενὴν χάλουσι).

¹⁸⁴ О Диодоте см. выше, прим. 161. В отличие от ямбического «заголовка», которым он снабдил книгу Гераклита (№ XXVIII), его особое мнение не сохранило никаких следов стихотворной структуры (дактило-спондическим ходом слов ἐν παραδείγματός εἴβει κῆται можно пренебречь). Поэтому утверждать, как это делает Sraňāg HFD 360, что Диодот «sprach von Herakleita in iambischen trimetern, z ktorých jeden nam zachoval Diogenes L. IX, 12», мы не имеем никаких оснований. Не исключено, как считал Наук (N², Adesp. 287), что он просто процитировал выражение какого-либо (трагического?) поэта.

¹⁸⁵ Особое мнение Диодота по-разному оценивается исследователями. Так, Kirk HCF 14 считает, что его «political interpretation is as ridiculous as his verse motto», Лурье ОИАИ 35 = Luria AGD 37 видит в нем следствие «наивного перенесения древними учеными (т. е. Гераклитом. — С. М.) человеческих общественных отношений на природу» (ср. там же 43—45), а West EGPO 112 s. находит в нем (и в аналогичном

Что касается особого мнения Секста (№ XXX b), здесь важно подчеркнуть, чего Секст *не* говорит: он не утверждает, что Гераклит не писал о природе; он не утверждает также, что Гераклит имел свою *теорию* этики; он только сообщает, что кто-то задавался вопросом (не утверждая этого), нельзя ли Гераклита считать и этическим философом. Стало быть, по мнению этого «кто-то», у Гераклита имелись пассажи, которые можно было толковать как этические. И только. В этом нет ничего удивительного, ибо, во-первых, сама политика мыслилась как составная часть этики, а во-вторых, не исключено, что у Гераклита были отдельные «морализирующие» высказывания и в первой части книги (физическая же теория — мало подходящее место для этических высказываний). В любом случае, наши источники не позволяют нам утверждать, что у Гераклита была какая-то своя законченная этическая теория, ни, тем паче, что она занимала какое-то существенное место в его учении.

Осторожные выводы

Быть может, самый любопытный вывод, к которому мы волей-неволей пришли, заключается в том, что ни этика, ни физика, ни, по всей видимости, политика (практически не оставившая следов в последующей традиции) не занимали главного места в учении философа и что это главное место, по-видимому, принадлежало первой части, части «о совокупном». Однако нельзя при этом забывать, что во времена Гераклита не существовало еще ни «этики», ни «политики», ни даже «физики» как таковых, т. е. как отдельных философских дисциплин, имеющих свой определенный предмет и сознающих свою специфику. Была только «мудрость» мудреца, горящего желанием решить «мировые загадки» силою собственного ума и воображения, на основании собственного опыта и знаний с тем, чтобы указать верный путь, ведущий ко всеобщему благу. Все же вышеприведенные рубрики были вычитаны лишь впоследствии и наложены на мировоззрение, которое, имея свои составные части и свою структуру, еще не распадалось на отдельные, самодовлеющие и абстрактные дисциплины. Об этом надо помнить при оценке свидетельств вроде наших. Ибо есть много шансов на то, что высказывания Гераклита, подобно анаксагоровым гомемериям, заключали в себе частицы всего, и логики, и физики, и этики, и политики, не сводясь ни к одной из них и называясь по имени той, что в них преобладала.

Глава из Гераклита у Ипполита (№ XXXI)?

В «Опровержении всех ересей» Ипполит приводит 19 фрагментов нашего философа в доказательство своего мнения, будто приверженцы еретика Нозта заимствовали свое «лжеучение» у язычника Гераклита. Именно это он утверждает и в нашем отрывке (№ XXXI). Текст этот приведен нами здесь из-за слов *ἐν τοῦτοι τῶι κερφαλαίωι*, которые, по мнению многих,

утверждении Секста = № XXX b) подтверждение словам Рейнгардта (Reinhardt P 193, 201), что философия Гераклита «имела религиозное назначение» и что он «ровно столько объясняет физически, сколько ему нужно для сравнения микрокосма с макрокосмом». Последнее — терминологическая бессмыслица, ибо философия и религия всегда имели один и тот же предмет и одно и то же назначение (указать человеку его место в мироздании и в обществе и соответственно этому месту предписывать ему те или иные нормы поведения), разница между ними — в источнике и характере проповедуемого ими «знания». Ориентация на микрокосм еще не признак религиозности, а подчиненное место макрокосма — «афизичности», зато использование макрокосма в качестве модели для микрокосма — типично философский, а не религиозный способ добывания знания.

значат «в этой главе»¹⁸⁶ и из которых заключают, что все приведенные Ипполитом фрагменты взяты им из одной и той же «главы» либо самой книги Гераклита¹⁸⁷, либо какой-нибудь «александрийской антологии со стоическими комментариями»¹⁸⁸. В последнем случае ценность сообщения сводится к нулю. Но если верно первое предположение, она становится огромной, ибо мы можем тогда утверждать, что все эти 19 фрагментов (т. е. примерно $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ общего их числа) входили в одну и ту же часть книги философа, а именно — в первую часть (περὶ τοῦ παντός): действительно, среди фрагментов, приведенных Ипполитом, присутствует и фр. В 1, о котором мы доподлинно знаем, что он находился в начале труда Гераклита (см. ниже)¹⁸⁹.

К сожалению, окончательно проверить эту гипотезу можно только одним способом: реконструировав гераклитовский оригинал. Но нелишне в предварительном порядке взвесить ее правдоподобность. Скажем сразу, результат будет неутешительный.

Что доказывает Ипполит? Что Гераклит, как и Ноэт, утверждал тождество бога-отца и бога-сына¹⁹⁰. Как это он доказывает? Вот краткая сводка избранного им способа изложения¹⁹¹. Ипполит последовательно приписывает Гераклиту следующие положения:

1. Бог постижимый, рожденный и смертный (новозаветный Иисус = Сын) и бог непостижимый, нерожденный и бессмертный (ветхозаветный Яхве = Отец) суть одно, «само с собою согласующееся» (Hippol., Ref. omn. haer. IX, 9, 1—2; фр. В 50 и В 51).

2. Логос (Сын) есть Эон (ἀεὶ ὢν = αἰὼν — 3; фр. В 1), Эон есть Дитя и Царь (4; фр. В 52). Царь есть Отец (4; фр. В 53); стало быть, Сын (Логос, Дитя) есть Отец (Эон, Царь).

3. Явное и неявное, видимое и невидимое (Сын — явный и видимый, Отец — неявный и невидимый) суть одно и то же (9,5—10,1; фр. В 54, В 55, В 56), как вообще все противоположности (10,2—6; фр. В 57 день и ночь, В 58 хорошее и дурное, В 59 прямое и кривое, В 60 верх и низ, В 61 чистое и грязное, В 62 смертное и бессмертное).

[10,6—7 (фр. В63 — В 66) — вставка, не относящаяся непосредственно к теме.]

4. Единство всех противоположностей, это и есть бог (8; фр. В 67 «Бог: день ночь, зима лето, война мир, голод сытость...», τὰναντία ἀπακταῖ οὐτος ὁ υἱός, поясняет Ипполит, «...каждый его называет по собственному вкусу»).

Мог ли Ипполит найти столько цитат, «подтверждающих» его дикий тезис о тождестве Гераклита в одной только «главе» или части книги философа? Да, но только если предположить, что он верно пересказывает учение Гераклита, каковое предположение, если учесть сплошную христианизацию Ипполитом терминов философа, крайне невероятно и анти-

¹⁸⁶ Masciuro E 24, 26 n. 1; Kirk HCF 184 s., 350 s. n. 1; Guthrie HGP I 406; Ramnoix EP 79; Marcovich HN 256 s., 257 n. 1; H 258; Mondolfo ETI 25; et al.

¹⁸⁷ Это мнение Маккиоро (ук. соч.) поддержал только Гасри, см. Guthrie OGR 227, но ср. его же HGP I 406.

¹⁸⁸ Marcovich HN 256 s., H 258. Кэрк придерживается нейтральной позиции: «Hippolytus must have had access to a good compendium, if not an actual book by Heraclitus» (Kirk HCF 184 s.).

¹⁸⁹ Как ни странно, Маккиоро считал их частью λόγος θεολογικός, т. е. последней части по Диогену.

¹⁹⁰ Приводим лишь голый результат из нашего подробного анализа текста Ипполита «Ипполит цитирует Гераклита», в сб.: Из истории античной культуры, Изд. МГУ (находится в производстве).

¹⁹¹ См. также Ramnoix EP 67—94 и Marcovich HN 255—264, которые, правда, так и не выявили аргументации Ипполита.

исторично¹⁹². Скорее всего, римскому отцу церкви пришлось тщательно проштудировать всю книгу, иначе где бы он взял такую уйму подходящих эксцерптов? Никакая отдельная глава, никакая отдельная часть книги (да, к слову сказать, и никакая антология) не могла ему предоставить столько материала, удовлетворяющего столь жестким требованиям.

Так что же значит $\epsilon\nu\ \tau\omicron\upsilon\tau\omega\iota\ \tau\omega\iota\ \kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota\omega\iota$? То, что оно обычно значило по-гречески: «в этом главном пункте», «по этому главному вопросу»¹⁹³. А из контекста ясно, что Ипполит имел в виду учение о *тождестве противоположностей* (IX, 10, 2—6) как определению бога (т. е. Бога, *intellexit Hippolytus*) (IX, 10, 8), учение, действительно разделявшееся Гераклитом (в общем виде) и Ноэтом (в применении к двум первым ипостасям христианской троицы и к соответствующим их эпитетам)¹⁹⁴.

Локализация фрагментов В 1 и В 2 (№ XXXII)

Аристотель и Секст оба сообщают нам о начальном положении фр. В 1 в книге Гераклита (№ XXXII а, б). Оснований не доверять этому сообщению у нас нет¹⁹⁵. Вопрос только в том, что понимать под «началом». Выше (прим. 168) отмечалось, что начал в прозаических произведениях VI—V вв. могло быть три. Ясно, что «первое» начало исключается: в нем Гераклит должен был быть назван. Остаются «второе» начало (начало проэимия) и «третье» начало (начало собственно изложения), а также промежуток между ними. Правда, для «второго» начала у нас уже есть другая кандидатура, но ее предстоит подкрепить прежде, чем мы сможем исключить кандидатуру фр. В 1. Отметим только покамест, что $\epsilon\nu\ \tau\eta\iota\ \alpha\rho\chi\eta\iota$ и $\epsilon\nu\alpha\rho\chi\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ не требуют, чтобы фр. В 1 находился в самом начале: речь могла идти, скажем, о первой колонке в свитке¹⁹⁶.

Секст нам также туманно сообщает о положении фр. В 2 (№ XXXII б). В рукописях мы читаем $\omicron\lambda\iota\gamma\alpha\ \pi\rho\omicron\delta\iota\epsilon\lambda\theta\omega\nu$. Беккер исправлял последнее слово в $\pi\rho\sigma\delta\iota\epsilon\lambda\theta\omega\nu$ ¹⁹⁷. Разница в значении невелика: «предварительно (про-) $\delta\iota\epsilon\lambda\theta\omega\nu$ » или ($\delta\iota\epsilon\lambda\theta\omega\nu$ впридачу (прос-)), и потому разумнее придерживаться рукописного текста. Гораздо существеннее вопрос о значении $\omicron\lambda\iota\gamma\alpha$: $\omicron\lambda\iota\gamma\alpha$ чего? Ответ зависит от того, как понимать ($\pi\rho\delta\iota\epsilon\lambda\theta\omega\nu$, буквально — «пройдя» — или в переносном смысле «изложив»). Поскольку

¹⁹² Тем не менее именно это предположение лежит в основе всей концепции Маккиоро (Macshjoto E; ср. его же Z 345—444, 584—590), согласно которой вся теология Гераклита была построена на орфическом мифе о Дионисе-Загрее, сыне Зевса, убитом Титанами и воскрешенном своим отцом. Хорошее изложение теории Маккиоро см. у Guthrie OGR 227—231; Mondolfo ap. Spengler H 33—38 = НТР 62—65.

¹⁹³ См. LSJ s. $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota\omicron\varsigma$ и ср. Sext. Adv. math. VII, 65 $\tau\rho\iota\alpha\ \kappa\alpha\tau\alpha\ \tau\omicron\ \xi\epsilon\tau\iota\ \kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota\alpha\ \kappa\alpha\tau\alpha\ \kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota\omicron\varsigma$ (ср. Горгияс). Тонкие рассуждения Кэрка против возможности здесь такого значения — темнее любого изречения Гераклита (см. Kirk HCF 350 s. n. 1).

¹⁹⁴ West EGPO 134 n. 2 относит слово $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ («the relevant section») к фр. В 67, который «contains the whole of Heraclitus' personal doctrine, which is also that of the heretic Noetus».

¹⁹⁵ См., однако, All LH 234; Gilbert HS 177; Capelle VS 122; Wheelwright H 22. В собраниях Шустера (Schuster H) и Байютера (Wuater HER) фр. В 1 занимает соответственно третье и второе место.

¹⁹⁶ Исправление Ричардса $\alpha\upsilon\tau\eta\iota$ (см. № XXXIIa, appar.) ничем не оправдано. Секст пользуется словами $\epsilon\nu\alpha\rho\chi\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \rho\omicron\upsilon\theta\upsilon\nu$ еще в двух местах (Adv. math. VII, 60 и 111), чтобы ввести начала «Истинь» Протагора (80 В 1 DK) и «О природе» Парменида (28 В 1 DK). Это не значит, что данная формула у него строго однозначна. О начальном положении фрагмента Гераклита он мог узнать из Аристотеля, о начальном положении фрагмента Протагора — из Платона (Plat., Theat. 161 C), о Пармениде — еще откуда-нибудь. Ни в одном из этих случаев мы не можем утверждать, что Секст пользовался самими сочинениями цитированных философов.

¹⁹⁷ См. Deichgräber REL 72 = 548 et n. В издании Мутшманна (Mutschmann) восстановлено чтение рукописей.

речь идет о письменном сочинении, последнее толкование гораздо правдоподобнее¹⁹⁸, и тогда, вопреки тем, кто толкует *ὀλίγα* как «несколько строк или фраз», гораздо вероятнее значение «несколько вопросов». Итак, из слов Секста можно заключить с достаточной уверенностью, лишь что фр. В 2 следовал за фр. В 1 на расстоянии, объем которого можно определить, как промежуточный между «2—3 вопросами» и «многими (*πολλά*) вопросами». Но этот вывод действителен только, если Секст пользовался самой книгой Гераклита, что очень сомнительно (см. выше, прим. 169). Если же он пользовался каким-нибудь другим источником (скорее всего Энесидеом¹⁹⁹), то основания для локализации фр. В 2 оказываются еще более шаткими.

3. О СТИЛЕ И ТЕМНОТЕ ГЕРАКЛИТА (№ XXXIII—XXXVIII)

Темнота книги Гераклита вошла в поговорку с давних времен: ее отмечал уже Сократ (№ XXXV a; ср. № XLI a, b); на нее намекал Платон, описывая гераклитовцев (№ XL b, *ἀνιγγματώδη*); конкретные трудности чтения упоминал Аристотель (№ XXXIII a); а какой-то македонец конца III в. до н. э. был даже прозван Темным потому только, что его звали Гераклитом (№ XXXVII c)²⁰⁰. С I в. до н. э. прозвище «Темный» стало почти непременным приложением к имени философа и даже 12 веков спустя Евстафий (in Od. IV, 450) уточнял, говоря о каком-то Гераклите, что это «не Темный».

Причины темноты Гераклита и способы его преодоления еще очень мало изучены. И приступать к их изучению надо с обзора мнений, высказанных древними о ней. Об этом и только об этом и пойдет у нас разговор²⁰¹.

Субъективные оценки древних

В том, что книгу Гераклита действительно было трудно понять, согласны все наши источники. Некоторые из них, однако, уточняют, что не все сочинение Эфесца было темным. Особенно категоричен Диоген (№ XXXVIII a)²⁰². Но Сократ (№ XXXV a) и Псевдо-Дарий (№ XXIX b + XXXVI c) тоже убеждены, что хотя бы частично они книгу поняли. Правда, Гераклит «гомерик» (№ XXXIV a) и Климент (№ XXXVII h) говорят о темноте книги в целом. Но первому нужно оправдать свое аллегорико-философское толкование Гомера, а второму — свое христианизующее толкование самого Гераклита.

Зато о причине темноты Гераклита у древних не было единого мнения. Все предлагавшиеся ими объяснения можно свести к трем утверждениям:

¹⁹⁸ Ср., Diodor. Sic., I, 9 (*προδιελθεῖν τὰ πλείεστα τῶν περὶ τῶν πρώτων τῶν ἑρμῶν*); III, 11 (*προδιελθεῖν περὶ τῆς τοῦ χρυσοῦ κατασκευῆς*). В обоих текстах Диодор говорит о своем намерении *остановиться* на таком-то вопросе *прежде*, чем продолжить основное повествование.

¹⁹⁹ Sext., Pyrrh. hyp. I, 210 ss.; Adv. math. X, 216 s.; 233; VIII, 8; VII, 349 s.; IX, 337; X, 38 ss.; Tertull., De anima 25 (cf. 9; 14; 15).

²⁰⁰ См. Diels, «Deutsche Literaturzeitung» 29, 1908, 3090; Schoch, RE, Supplbd. IV, 730 s.; Walzer E 15; Marcovich H 259; Mondolfo ETI 27 n. 24. Если же верно предполагаемое нами чтение (см. аппар. к тексту) или если слова *cui — erat —* интерполяция, то появление прозвища «Темный» засвидетельствовано лишь с I в. до н. э.

²⁰¹ Специальных исследований нет. О языке и стиле Гераклита вообще, см., например, Norden AK⁵ 18—44, 72 ss.; Snell SH 358—381 = GS 129—151; FrankeI TPH 309—337 = WF 253—283; Denniston, GPS 2 s.; Lilja SEGP passim. О темноте и двусмысленности в греч. литературе, см. Jones H IV IX — XII и особенно Stanford AGL (о Гераклите очень сжато на с. 117—119).

²⁰² Deichgräber BDB 28; Kirk HCF 9; Marcovich H 259 возводят это место к «кругу автора трактата „О возвышенном“».

книга была темна либо 1) по вине *самого Гераклита*; либо 2) в силу невыразимости (глубины) излагаемого предмета (высказываемых мыслей); либо 3) в силу непонятливости читателя.

Вина самого Гераклита могла быть *вольной* или *невольной*. Аристотель и Деметрий (№ XXXIII a, b) склонялись ко второму мнению: Гераклит писал темно, ибо был стилистически беспомощен (Теон же — № XXXIII c — допускает и намеренную «беспомощность»: «либо нарочно, либо по невежеству»). Невольной считал Гераклитову темноту и Теофраст (№ XXVI a), предложивший психологическое объяснение: Гераклит-де был человеком импульсивным, горячим (по-нашему — нервным)²⁰³, а потому и перескакивал с одного на другое. Но куда более популярным было противоположное объяснение: Гераклит писал темно намеренно, чтобы его понимали только «способные», но не «чернь» («некоторые» и Тимон у Диогена — № XXXVI a; Цицерон — № XXXVII d, f, ср. g; Климент — № XXXVII h; Греч. антология VII, 129 — № XXXVII i; Псевдо-Дарий — № XXXVI c; ср. Теон — № XXXIII d).

Версии об эзотеризме намеренном (в целях «отсечения» части читателей) противостоит версия об «эзотеризме неизбежном»: не Гераклит писал темно, а мысли, которые он излагает (или явления, которые он описывает), были столь глубоки, сложны и сокровенны, что их нельзя было иначе выразить, а потому они требовали огромного напряжения и тоже «отсеивали» часть читателей. Это мнение высказывают Давид и Илия (№ XXXV c, d); его же предполагает вторая часть ответа Сократа (№ XXXV a); на нем зиждится теория, усматривающая в книге Эфесца сплошные символы и аллегории (Гераклит «гомерик» — № XXXIV a — и Асклепий — № XXXIV c). Сюда же, по-видимому, относится и эпиграмма IX, 540 (№ XXXVIII b)²⁰⁴, хотя ее можно толковать и в контексте «намеренного эзотеризма» (вопрос в том, понимать ли «посвященный» буквально или метафорически).

Обратной стороной того же объяснения являются ссылки на непонятливость читателя: не Гераклит непонятен, а бездарен тот читатель, который его не понимает. Автор «Этны» утверждает это о всяком читателе (№ XXXVIII d), Секст выбирает в качестве мишени все племя «грамматиков», т. е. филологов (№ XXXVIII c).

И только один Лукреций, в пылу полемики, берет на себя смелость обвинить Гераклита в отсутствии мысли, в подмене ее «изречениями запутанными», «красивыми речами и созвучиями», «приятно ласкающими уши» (№ XXXVII c). Зато Лукреций — единственный древний, отметивший эстетическую ценность Гераклитова стиля и звучания его речи.

Объективные трудности

Эти субъективные оценки древних интересно сопоставить с примерами темноты Гераклита, которые они приводят, т. е. с объективными трудностями, с которыми они сталкивались.

²⁰³ μελαγχολία (черножелчь) — здесь перипатетический термин, обозначавший состояние людей, которые (Arist., Eth. Nic. H 8, 1150 b 25) «из-за сφοδρότητα οὐκ ἀνδιέουσι τὸν λόγον διὰ τὸ ἀκολουθητικὸν εἶναι τῆς φαντασίας (cf. Plat. RP 573 C; ps.-Arist., Probl. 30, 1, 953 a 10—955 a 40); см. Deichgräber BDB 21 s.; Kirk HCF 8; Dirmleier EN⁵ 491 n. 157¹. Позднее Гален придал этому слову знакомое нам значение «меланхоличность» (темперамент меланхолика), причем в этом переосмыслении слова некоторые видят источник легенды о «плачущем» философе (№ XXI A и FC, прим. 102).

²⁰⁴ Deichgräber BDB 29 s. приписывает ее стоику Клеанту.

Аристотель (№ XXXIII а) называет две причины стилистической неясности у Гераклита: недостаток *σύνδεσμοι*²⁰⁵ (частиц, союзов, связок) и недостаток признаков препинания. О том же говорит и Деметрий (№ XXXIII б). Недостаток «связующих» является лишь частным случаем недостатка признаков препинания, ибо частицы и союзы были главными из этих признаков. Греческий язык не знал интонации в нашем смысле слова: из-за музыкальности ударения мелодия предложения была предопределена составляющими его словами и не могла сигнализировать о синтаксических значениях и категориях²⁰⁶. Отсюда такое обилие частиц и союзов в греческом языке и их огромное значение для интерпункции (возьмите любое современное издание классического текста и вы убедитесь, что почти каждому знаку препинания, вставленному издателем, соответствует частица или союз или аналогичное им слово с фиксированным местом в синтагме). К сожалению, примера с недостатком частиц Аристотель не приводит²⁰⁷.

Зато он приводит пример, подпадающий под более общую формулировку. Это типичный случай *синтаксической омонимии* (русский пример: «Роняет лес багряный свой убор» — к чему относится «багряный»?). В подобных случаях «связующие» (или в современных языках — интонация) бессильны что-либо изменить: избежать неясность можно только, в устной речи, при помощи паузы, выделяющей спорное слово от его незаконного «хозяина», а в письменной — изменением порядка слов. Поэтому, если пользоваться только формальными признаками, большинство таких омонимий неразрешимы²⁰⁸. Именно синтаксическую омонимию имел в виду и Теон, судя по приведенным им перед нашим текстом (№ XXXIII с) двум примерам из Гомера²⁰⁹.

Совсем иного рода темнота фрагментов, приведенных Гераклитом «гомериком» (№ XXXIV а; ср. Лукиан — № XXXIV б). Эти синтаксически прозрачные высказывания «темны» тем, что в них *нарушен закон противоречия*. Для грека, привыкшего мыслить по логике Аристотеля, это могло значить лишь одно из двух: либо Гераклит порет чушь (ср. мнение Лукреция), либо он выражается *символически (аллегорически)*. Действительно, если толковать противоположные термины как иносказания, им можно подобрать такие толкования, которые бы исключали несовместимость понятий. Именно это и имеет в виду толкователь Гомера и именно так объясняет Асклепий (№ XXXIV с) осторожность, с какой Аристотель приписывает Гераклиту утверждение «быть и не быть — одно и то же» (ср. фр. В 49А у Гераклита «гомерика»): либо Эфесец этого не говорил, либо, если сказал, то «символически».

Геофраст (№ XXXVI а, б) указывает нам на третью трудность, препятствующую пониманию Гераклита: *недосказанность* многих его поло-

²⁰⁵ Как уже отмечал Дильс (D i e l s FVS⁴ I, 72 n., DK I 144 n.), дошедший текст Аристотеля искажен: многочисленность *σύνδεσμοι* никак не может способствовать темноте речи, да и по Деметрию неясно как раз *τὸ ἀσύνδετον*. Отсюда наше исправление *ὁ* вместо *οἱ* (ср. чтение Дильса).

²⁰⁶ Остаются, правда, паузы, но они могут сигнализировать лишь о членении речи, но не о связях между сегментами ее.

²⁰⁷ В качестве такового можно привести фр. В 26, который, имея он обычные союзы, частицы и связки, не представлял бы никаких трудностей: *ἄνθρωπος ἐν εὐφροσύνη φάος ἀπτεται ἐωυτῶν, ἀποθανόν (γὰρ ἐστίν) ἀποσβεσθεῖς (μὲν γὰρ) ὄψεις, ζῶν δὲ, ἀπτεται τεθνεῶτος. (ἀλλὰ καὶ) εὔδων (ἐστίν) ἀποσβεσθεῖς (μὲν γὰρ) ὄψεις, ἐγγρηγορώς (δὲ), ἀπτεται εὔδωντος*. О чтении В 26 см. M o u r a v i e v NR 122—125.

²⁰⁸ *Неформальные* способы являются темой для особого разговора.

²⁰⁹ *Iliad*. II, 270 *οἱ δὲ καὶ ἀχνόμενοι περ ἐπ' αὐτῶν ἠδὲ γέλασσαν*: 547 s. *δῆμον* Ἐρεχθῆρος *μεγαλήτορος, ὃν ποτ' Ἀθήνη/θραψε Διὸς θυγάτηρ...* В первом случае неясно, к чему относится *ἐπ' αὐτῶν* (к *ἀχνόμενοι* или к *γέλασσαν*), во втором — *ὃν* (к *δῆμον* или к *Ἐρεχθῆρος*).

жений. Гераклит не ответил на многие вопросы, на которые по его, Теофраста, мнению ему следовало ответить. Эфесец не объясняет ясно способа образования «всего» из огня, ничего не говорит ни об «объемлющем», ни о форме и природе земли и «корыт». Замечание у Псевдо-Дария (№ XXXVI c) о Гераклитовом «воздержании от суждения» (ἐποχή) говорит о том же.

Наконец, Сенека (№ XXXIV d) дает нам пример того, как «темнота» могла возникнуть просто из-за *отсутствия контекста*. Благодаря Плутарху мы знаем, что Гераклит имел в виду равенство дней относительно «счастья» и «несчастья» (против Гесиода, «Труды и дни» 765 слл.)²¹⁰.

Современные исследователи знакомы со всеми этими трудностями и некоторыми другими. Но их задача состоит не в том, чтобы, пользуясь ими, толковать учение Эфесца, руководствуясь лишь собственной фантазией и склонностями, а в том, чтобы выработать строгие методы для преодоления затруднений и восстановить учение философа в его первоначальной форме (к чему древние никогда не стремились). Современная наука предоставляет им для этого немало средств (которых древние были на-чисто лишены).

4. ИСТОРИЯ КНИГИ. ЕЕ КОММЕНТАТОРЫ (№ XXXIX—XLIII)

Пятый век до н. э. (№ XXXIX—XLI)

Прямых известий о судьбе книги Гераклита до нас дошло только три. Философ ее отдал в дар («посвятил», «положил» ἀνέθηκε) в храм Артемиды Эфесской (№ XXXIX a, b). Она пользовалась такой известностью, что благодаря ей возникла целая группа сторонников Гераклита (№ XL a, ср. b). Эврипид познакомил с ней Сократа (№ XXXV a = XLII a, b, c), а по другой версии, некто Крат ее ввел в обращение в материковой Греции (№ XLI d). Разумеется, многое можно будет узнать о распространении книги и идей Эфесца путем анализа гераклитовской традиции²¹¹, но эта задача выходит далеко за рамки настоящей работы. Тем не менее, несколько косвенных свидетельств мы упомянем и здесь.

Нет основания сомневаться в достоверности известия о депонировании книги в храм (№ XXXIX a, b)²¹². Цель этого жеста нам неизвестна (объяснение Татиана явно надуманно — но см. ниже). Было высказано мнение, что речь идет о тестаментарном распоряжении: книга была сдана в храм во исполнение завещания философа²¹³. Это возможно, хотя ничем не подтверждается. Но независимо от того, попала ли она туда до или сразу после смерти Гераклита, трудно найти этому факту какое-либо иное объяс-

²¹⁰ P l u t., Cam.¹⁹ (fr. В 106 DK)... Ἡρακλείτου ἐπέπληξεν Ἡσιόδου τὰς μὲν ἀγαθὰς ποιούμενῳ (sc. ἡμέρας), τὰς δὲ φαύλας, ὡς ἀγνοοῦντι φύσιν ἡμέρας ἀπάσης μίαν οὐσαν.

²¹¹ Т. е. всех текстов (а их превеликое множество), где приводятся фрагменты и учение Гераклита. Установив по возможности источники каждого автора и расположив все тексты в хронологической последовательности (с учетом также географических координат), можно будет в какой-то мере проследить за путями распространения влияния Гераклита во времени и пространстве.

²¹² W i l a m o w i t z GH II 210 n. 1; M a r c o v i c h Н 258. Возражения Кэрка (K i r k HCF 7 s.) неубедительны, ибо 1) «биографическое общее место» скорее свидетельствует об обычае; 2) слова у Диогена после ὡς μὲν τινὰς относятся не к депонированию книги, а к ее темноте (M a r c o v i c h Н 258); 3) храм Артемиды действительно играл огромную роль в жизни Эфеса; 4) «этнологическим» является лишь кэрковское толкование «легенды» (долженствующей якобы объяснить «отсутствие полной книги» сожжением храма Геростратом в 356 г.): отсутствие книги — выдумка самого Кэрка, о которой древние ничего не знали.

²¹³ S c h m i d — S t ä h l i n GGL I 747 n. 1.

нение, кроме заботы о *сохранности* произведения. Храмы — особенно такие знаменитые святилища, как эфесский Артемисион, — пользовались относительной неприкосновенностью во времена смут и междоусобиц и часто оставались нетронутыми островками среди развалин и пепелищ. Потому они служили местом хранения союзнической или полисной казны, текстов законов, списков должностных лиц и т. п. Надо ли удивляться, что и частные лица стремились спасти в них от превратностей судьбы свои драгоценные литературные труды, особенно в ту эпоху, когда издание книг (т. е. изготовление и распространение многочисленных копий) еще не было обычной практикой и желающие приобрести экземпляр должны были сами заботиться о снятии копии. Возможно, храмы и были первыми библиотеками, местами хранения образцов для изготовления копий. Позже эта мера предосторожности могла превратиться в символический жест посвящения книги тому или иному божеству-покровителю²¹⁴.

Делались ли копии с книги Гераклита до ее депонирования в храм и вообще при жизни философа, мы не знаем. Из того, что *учение* Эфесца вроде бы стало известным в Сицилии и в Италии уже при Гиероне Сиракузском²¹⁵, еще не следует, что там знали *книгу* философа: устной традиции о нем было вполне достаточно. Несомненно, однако, что с течением времени слава Гераклита и его сочинения росла. Когда именно появились эфесские гераклитовцы, о которых говорят Диоген и Платон (*№ XL a, b*), неизвестно, но ясно, что их появление связано уже не с устной, а с *письменной* традицией (*ἀπ' αὐτοῦ*, т. е. *τοῦ συγγραμματος*, у Диогена; ср. *αὐτῶν ἀναφρονταί* у Платона). Возможно, что интерес в Эфесе к книге Гераклита пробудил не кто иной, как Мелисс (см. *№ XV* и комм. [ГС]), побывавший до этого в Италии у Парменида. Если так, то это произошло еще при жизни Гераклита (разве что сообщение о беседах между Мелиссом и Гераклитом ошибочно). Но не исключено, что книга Гераклита была дей-

²¹⁴ См. Certamen Hom. et Hes. 1. 320 Allen = p. 308 Rzach³ (о гомеровском гимне Аполлону); Gorgon FGn 515 F 18 (о VIII Олимпийской оде Пиндара — 464 г. до н. э.); Diog. Laert., VI, 25 (о Крантопе); Apollon. rex Tyri 51, p. 116 Riese². См. W. H. D. Rouse, Greek Votive Offerings, 1902, 64 s.: West EGPO 5. Последний явно недооценивает как значение книги для автора, так и значение храма для сохранения книги: «We hear of books being dedicated in temples, as if, once written, there was nothing further to be done with them». Зато чрезвычайно любопытна следующая гипотеза Д. Янга о значении начала «Элегий» Теогнида, полностью согласующаяся с предложением нами толкованием: «prooemium quod legis vv. 1—18 satis aptum videtur exemplari gnomologiae ad Cynrum ipsius Theognidis manu exarato et ipsius sigillo obsignato, quod poetam puto deposuisse conservandum in fano Apollinis Prostaterii Megaris, quo in fano vidit Pausanias 1, 44, 2, statuas Apollinis, Latonae, Dianae (cf. vv. 1, 5, 11). Scimus sane Heraclitum Theognidis aequalem iuniorum in fano Dianae Ephesii librum suum De natura conscriptum deposuisse. si versus genuinos publici iuris facere voluit Megarensis, nullo modo melius id consilium exsequi potuit quam volumen a se scriptum et obsignatum in fano Apollinis Prostaterii deponendo. Neque quae causa fuerit deponendi obscurum est. scimus enim Athenis legem fuisse ne quis de Harmodio et Aristogitone carmina in malam partem cantaret. veri simile est, cum Theognis et Cynrus una Megaris in re publica versarentur, inimicos eorum epigrammata quaedam amatoria Theognidis in symposiis recitata in peius detorsisse. tum famam suam et Cynri ut aliquo modo defenderet, simul ut consilia partium praedicaret, suspicor poetam Megarensis carminum melioris notae delectum publici iuris exemplari in fano Apollinis deposito fecisse. notandum est in vv. 19—254 nullam legi spurcitiā quales hic illic in elegiarum libro qui inscribitur secundo (1231—1389) inveniuntur. exemplar illud gnomologiae ad Cynrum in fano depositum obsignaverat, ut opinor, poeta velut testamentum sigillo suo: ad quod sigillum lapideum vel metallicum quasi adludens metaphoricē scripsit Theognis (vv. 19—23) versibus suis sigillum artis suae impositum esse...» (Theognis, ed. D. Young, Leipzig, 1971², p. X).

²¹⁵ Судя по отдельным реминисценциям, с учением Гераклита были знакомы или слышали о нем: Эпихарм, Симонид, Пиндар, Эсхил, Парменид. О присутствии первых четырех (а также Ксенофана и Бакхилида) при дворе Гиерона (478—467) нам доподлинно известно. Мог там бывать и Парменид, учение которого знал Эпихарм.

ствительно «таинственно» обнаружена в храме (№ XXXIX b; но, конечно, не потому, что философ к этому стремился, как думает Татиан). И если так, это скорее произошло уже после смерти Эфесца.

Как бы то ни было, в Эфесе, во второй половине V в. (действие «Тезета» происходит около 400 г.), по-видимому, и впрямь существовали какие-то гераклитовцы, о которых до нас дошло лишь карикатурное описание у Платона ²¹⁶.

Анекдот Аристона ²¹⁷ об Эврипиде, давшем Сократу книгу Гераклита (№ XXXV a = XLI a, b, ср. c), вполне заслуживает доверия (хотя, конечно, точность воспроизведения слов Сократа достаточно сомнительна) ²¹⁸. Мы знаем, что Эврипид был одним из первых известных библиофилов ²¹⁹ в Аттике и что Сократ имел обыкновение читать и обсуждать со своими учениками книги древних мудрецов (см. тексты, приведенные после № XLI c). Чрезвычайно любопытно сообщение Татиана о том, что Эврипид посещал храм Артемиды Эфесской (*κατίοντα* подразумевает *εἰς τὴν Ἀρτέμιδος ναόν*, ср. предшествующий контекст = № XXXIX b) и, выучивши книгу «наизусть» (!), быстро распространил «Гераклитову темень». Если отбросить (по-видимому фольклорный) мотив зубрежки, остается тот немаловажный факт, что Эврипид привез сочинение Эфесца из какого-то путешествия. Правда, всей истории об Эврипиде и Сократе противоречит версия Селевка ²²⁰ (№ XLI d) о таинственном «Крате» ²²¹. Но это явная коррупция первой версии: ΚΡΑΤΗΣ слишком похоже на ΣΩΚΡΑΤΗΣ (ср. еще аккузатив *κράτη*, а не *κράτητα*, в двух из трех основных рукописей Диогена), чтобы можно было предположить что-либо иное кроме искажения имени Сократа в какой-нибудь рукописи Селевка или Кротона ²²². Судя по ямбическому метру ²²³ слов *Δηλίου τινος δεῖται κολυμβήτοῦ, ἔς οὐκ ἀποπνιγῆσεται ἐν αὐτῷ*, «Нырлящик» Кротона был драматическим произведением, в котором, в частности, обыгрывалось изречение Сократа о делийских нырлящиках. В пользу достоверности последнего говорит и то, что из пяти известных нам употреблений этой «поговорки» (Аристотель = № XXXV, a, Селевк = № XLI d, Давид = № XXXV c, Илиа = № XXXV d, Лев = после № XXXV d), четыре относятся к книге Гераклита, а пятое (IX—X вв. н. э.) явно навеяно тем же анекдотом.

Заслуживает внимания еще следующее обстоятельство. В № XXXV a Эврипид *дает* (*δόντα*) книгу Сократу, в № XLI b он *достает* (*κομίσαςτος*) ее для него, в № XLI d «Крат», т. е. тот же Сократ, сам *вводит* ее в Грецию (*εἰς τὴν Ἑλλάδα κομίσει*). Похоже, что Сократ просил Эврипида (отправляющегося в путешествие? — ср. рассказ Татиана) добыть ему сочи-

²¹⁶ Сионийскими гераклитовцами V в. (к которым, может быть, принадлежал и гераклитовец Антисфен [№ XLIII b]) не надо путать тех, кого Аристотель называл *οἱ πρακλειτίκωντες οἱ φασκόντες ἡρακλειτίειν* (Arist., *Metaph.* Γ 5, 1010 a 11; *Probl.* 13, б, 908 a 30; 23, 30, 934 b 33), имея в виду скорее Протагора, Кратила и прочих «гераклитовцев» софистов.

²¹⁷ См. FC, прим. 109.

²¹⁸ См. Kirk HCF 10; Marcovich H 257; Mondolfo ETI 70 n. 117.

²¹⁹ Составление первых библиотек приписывалось уже Писистрату и Поликрату Самосскому (Athen. I, 3 A).

²²⁰ Селевк — грамматик, толкователь Гомера, автор *Περὶ φιλοσοφίας* (Diog. Laert., III, 109). Жил в Риме при Тиберии (14—37 гг.). См. Maass, *De biographis Graecis*, В., 1880, 33 s.; Max Müller, *De Seleuco homerico*, Göttingen, 1891; В. А. Müller, *RE s. Seleukos*.

²²¹ Kirk HCF 10 справедливо критикует чтение Дильса (а не Кранца!), который брал *Σέλκουκος* — *βιβλίον* в скобки и относил *εἶπαι* к Сократу.

²²² Теория А. Н. Зубоса (Z o u ш p o s DL 73 s.), согласно которой «Кратет» является вариантом имени «Кратил» (окончание *-υλος* — уменьшительное), и, следовательно, не кто иной, как Кратил, ввел в обращение в Аттике книгу Гераклита, не очень убедительна из-за отсутствия каких-либо подкрепляющих ее данных.

²²³ Kirk HCF 10.

нение Эфесца и, получивши его, способствовал его распространению в Афинах. Цепность этого вывода не требует пояснений²²⁴.

От IV в. до н. э. до III в. н. э. (№ XLII—XLIII)

Из № XLII a = XXXIII a ясно, что Аристотель был с книгой знаком²²⁵, а из № XLII b = XXIX a — что она была в обращении еще в начале III в. н. э.²²⁶ Из комментаторов, названных Диогеном (№ XLIII a, b), все известные нам — Антисфен²²⁷, Гераклид Понтийский²²⁸, Клеант²²⁹, Сфер²³⁰ — жили в IV—III вв. до н. э. О Павсании «гераклитисте», Никоমেде и Дионисии мы равным счетом ничего не знаем. О Диодоте можем только гадать²³¹. От Скитина же сохранилось два отрывка, по время его жизни крайне неопределенно²³².

Исчезновение книги Гераклита из обращения надо, по-видимому, датировать второй половиной III в. С этого момента в наших источниках

²²⁴ Вышеизложенная точка зрения не учитывает, однако, нескольких обстоятельств, открывшихся нам перед самой сдачей в набор настоящего номера ВДН. Анализируя биографию Гераклита у Диогена Лаэртия, мы обнаружили в ней в качестве субстрата достаточно стройный и последовательный текст, посвященный характеру, смерти и книге Гераклита (Diog. Laert. IX, 1—3: 5 γερωνε — εαυτοῦ: τὸ δὲ φερόμενον — ὁ ἦ: τοσαύτην — Ἡρακλιταίους: II, 22 φασί — κολυμβητῶν: IX, 12 ἀπὸ γραφῶν — ξυμπαντων. 15 πλείστοι τε — κείσθαι, ср. наши №№ I a + II a + XVII a + XIV a, IX c + XVIII a + XXII a, XVI c + XIII b, XXIX a + XXXVI a, XL a, XXXV a, XXVIII, XLIII a). Составление этого анонимного текста с текстом Татиана (= №№ XIII d + XXXIX b + XLI c + XLII f) позволяет выделить в первом из них два основных источника, один — характерологический (IX, 1—3: 5 γερωνε — εαυτοῦ: ὁ ἀνέθηκε — ἦ: τοσαύτην — Ἡρακλιταίους: II, 22), другой — библиографический (остающиеся). Из IX, 11 (№ XLI b) мы знаем, что эпизод с Сократом (II, 22) принадлежит Аристону (скорее всего — Кеосскому). Следовательно, Аристону же должна принадлежать и вся характерологическая часть, к которой относится этот эпизод. Подтверждает это № XLIIA [см. ниже, дополнение к TS стр. 240], текст, из которого мы узнаем, что Аристон вроде бы действительно использовал Гераклита в качестве образца высокомерности и, более того, заимствовал этот образец в древней комедии (далее Филодем излагает вкратце средства, которые Аристон предлагает использовать, чтобы избавиться от высокомерия; предшествующая же часть рукописи Филодема неудобочитаема). Этому выводу не противоречит и сообщение Сотниона в № XXII i, поскольку известно о смерти Гераклита «от другой болезни», по-видимому, относится к *настоящему* Гераклиту в отличие от «Гераклита», выведенного каким-то древним комедиографом (не Кротоном ли в «Ныряльщике») и использованного Аристоном лишь в качестве характерологического *типа* (ср. ГС стр. 40, прим. 124). Из всего этого следует, что история с Эврипидом и Сократом могла быть фикцией (хотя не исключено, что комедиограф использовал общеизвестные факты). Кроме того, следует отвергнуть как не подтвердившиеся наше предположение относительно Антисфена (ГС стр. 34, прим. 86). Возможно, придется также несколько видоизменить нашу трактовку легенды о смерти философа, однако здесь для этого уже нет места.

²²⁵ Regenbogen, «Gnomon», 1955, 310; Guthrie HGP I 407 [s.; Mondolfo HCF 122 = ETI CLXII et al. Ср. отрицательное мнение Кэрка (Kirk HCF 19).

²²⁶ Guthrie HCF I 406 n. 2 допускает возможность двух переводов τὸ φερόμενον αὐτοῦ βιβλίον: «The book of his which is in circulation» или «the book which circulates as his» (ср. Kirk HCF 7 «The book said to be his»; Marcovich H 257 «das unter seinem Namen umlaufende Buch»). Второй перевод неверен, ибо потребовал бы τὸ φερόμενον ὡς αὐτοῦ ... (ср. Diog. Laert., VIII, 7) или τὸ εἰς αὐτὸν ἀναφερόμενον... (ср. I, 23).

²²⁷ См. ЖГ, прим. 29; ГС, прим. 86 и 102. Странно, однако, что Диоген, цитирующий Δαδοχί этого Антисфена 13 раз, называет его же Ῥόδιος τις ἱστορικὸς (№ XLIII b). Поэтому не исключено, что Антисфен «Родосский» был на самом деле Эфесский (не путать с «гераклитовцем»!).

²²⁸ «Расцвет» Гераклита Понтийского: около 340 г. до н. э.

²²⁹ Даты стоянка Клеанта: 331—233.

²³⁰ Сфер был учеником Клеанта и современником Птолемея Филопатора (222—205).

²³¹ См. выше, прим. 161.

²³² 22 СЗ ДК; West, Lambi et Elegi II, Oxford, 1972, 95 s. Уэст датирует Скитина так: «s. V/IV?».

исчезают всякие упоминания или цитаты Эфесца, которые бы не были из вторых (третьих...) рук ²³³. Причиной пропажи книги, скорее всего, было завершение перехода от папируса к пергамену в сочетании с возобладанием христианства ²³⁴. На пергамен переносились лишь злободневные произведения и «классики» (Гомер, драма, поэзия), которых изучали в школах, ну и, разумеется, такие крупные величины, как Платон, Аристотель, Геродот и др. От досократовской и послеаристотелевой философии (за исключением неоплатоников, живших после перехода к пергамену) сохранились жалкие крохи и несколько случайных «уцелевших» удачликов (например, Лукреций). Остальное пропало в пучине времени.

ΕΡΙΜΕΤΡΟΝ

Ниже приводится ряд существенных дополнений и исправлений к ранее вышедшим частям комментированного издания свидетельств о жизни и книге Гераклита. Номера обозначают страницу и строку основного текста, а также иногда строку примечания (сн. = снизу; св. = сверху; апп. = критический аппарат; прим. = подстрочное примечание).

Testimonia de vita [TV] (ВДИ, 1974, № 4)

197, 2 сн., добавить: XX b (п. 3^a) [см. ниже дополнение к стр. 209, 19 сн.]

198, 3 св., читать: PATRIS NOMEN — 23 св., добавить: *Ps.-Iustin. Coh. ad gent. 3, p. 4 E Otto (Dox. 283)* Ἡράκλειτος ὁ Μεταπόντιος *erratum pro* Ἡράκλειτος καὶ Ἰππᾶτος ὁ Μεταπόντιος (*cf. Aet. I, 3, 11*) [см. ниже дополн. к ЖГ стр. 5]

199, апп. к № V a, вставить сноску к первому стиху: πεφευγώς οἴκοθεν *transp. Meineke et Clinton: οἴ. π. Diog.* — Там же, сноска 1, читать: ...ἀγνοεῖν ἐμοὶ (*Meineke et Clinton: μοι Diog.*) BPF, *quam lectionem pro Dielsiana nunc malo.* — Там же, сноска 4, вместо Diels и т. д. читать: *Meineke et Clinton* [см. ниже дополн. к ЖГ стр. 10]

200, 1 св., читать: <τε> χαβδομηκοστήν νενικηκώς <μέν ἦν> ⁵ — Апп. к № V a, читать: 5 ὁ δ' — <μέν ἦν> *restitui* — Там же, добавить сноску к последнему стиху: 6 πάππος *Karsten: πάντων codd.* — 7 сн., читать: ...переселения, последовавшего за эолийским... — Внизу, после № VI b, вставить: *c. Ps.-Heraclit. Epist. VII, 3; 4 (p. 334, 21; 30 Tarān)* ἡδικήκατε με (сн. ὁ Ἐφεσῖοι) ἀφελέμενοι ὁ θεὸς ἔδωκε ... 4 ἐγὼ μὲν βούλομαι καὶ νόμος εἶμι ἄλλων... Вы (эфесцы) совершили несправедливость по отношению ко мне, лишая меня того, что дал мне бог... 4 Я решаю и я — закон для других... [см. ниже дополн. к ЖГ стр. 14]

201, 1 св.: оригинал на сирийском языке и новый латинский перевод см. теперь в издании *Themistii Orationes, vol. III, edd. G. D o w n e y et A. F. N o r m a n, Lpz, 1974, стр. 56—59* — 13 св., вместо *ihre* читать: *diese* [ошибка у Дильса] — Апп., вставить сноску к строке 5 св.: *der Per-ser ci. Gildermeister: der Reiter cod.*

202, 22 св., читать: αὐτῆ

203, 21 сн., читать: μνημονεύοντες

204, 17 св., после № IX f вставить: *g. Athenagor. Suppl. pro. Chr. 31, p. 35 AB* οὕτω καὶ Πυθαγόρας μὲν ἅμα τριακοσίοις ἑταίροις (*Wilamowitz: ἑτέροις A*) κατεφλέχθη πυρί, Ἡράκλειτος δὲ καὶ Δημόκριτος, ὁ μὲν τῆς Ἐφεσίων

²³³ Сохранилась жалоба Порфирия (233/2—304) (ар. Euseb. Praep. ev. X, 3) на редкость сочинений доплатоников: *πάντα δε τὰ τῶν πρό τοῦ Πλάτωνος γεγονότων βιβλία.*

²³⁴ См. L. D. R e y n o l d s — N. G. W i l s o n, *Scribes and Scholars, Oxford, 1968, 29—31.*

πόλεως ἡλαύνετο, ὁ δὲ τῆς Ἀθηναίων, ἐπικατηγορούμενος μεμνημένοι καὶ Σωκράτους Ἀθηναῖοι θάνατον κατεγνώσαν. Таким образом и Пифагор вместе с тремя стами товарищами был сожжен, а Гераклита и Демокрита уж было изгнали из своих городов, первого — эфесцы, второго — абдериты, объявившие его помешанным. Сократа же афиняне приговорили к смерти. [См. ниже дополн. к ЖГ стр. 18]

205, 5 св., читать: ἀγωγῆν — Апп. к № XII, читать: 1 δε со t — 4 св.: к № XII следует также отнести таблицы преемств, которые можно извлечь из порядка изложения материала у Диогена Лаэртия, Эпифания (Dox. 589—592) и др. [см. ниже дополн. к ГС стр. 28]

207, 21 св., после № XV (а) вставить: *b. Io. Philop. in Categ. p. 2 Busse* ὁ δὲ μαθητὴς αὐτοῦ (sc. τοῦ Πύρρωνος) Ἡράκλειτος ... А ученик его (Пиррона) Гераклит... [см. ниже дополн. к ГС стр. 32]

208, 17 св., добавить: *Cf. nrr. XIII d* (ὑπερίφανον) *et XLIA* [см. ниже дополн. к TS стр. 240]

209, 19 св., читать: τῶν γλίχων κινήσας^{3a} ἐκπιῶν, а в апп. к этому месту вставить: ^{3a} κινήσας *scr.*: κινήσας *codd.*

210, 9 св., читать: διηγήτατο — Апп. к № XXIА е перенести на стр. 211.

212, 8 св., после № XXIА g вставить: *Aelian. Var. hist. VIII, 13* Ἀναξαγόραν τὸν Κλαζομενῖον φασὶ μὴ γελῶντά ποτε ἐρῶτηναι μήτε μειδιῶντα τὴν ἀοχίην. λέγουσι δὲ καὶ Ἀριστοτέξενον τῶν γέλωτι ἀνα κράτος πολέμιον γενεσθαι Ἡράκλειτόν τε, ὅτι πάντα τὰ ἐν τῶν βίῳι ἐκλάσεν. Говорят, что никто не видел, чтоб Анаксагор из Клазомен смеялся или даже улыбался. Аристоксен тоже известен как великий противник смеха, а Гераклит — как человек, который все в этой жизни оплакивал. — 21 св., после «3» вставить: *atque nr. XXV*

213, 4 св., читать: врачу — 10 св., читать: ἔφη τοῦ ποιήσαντος — 8 св., к слову *κατατεινόμενον* — сделать в апп. сноску: *κατατιλόμενον* *ci. Lebedev*

*

Testimonia de scripto [TS] (ВДИ, 1975, № 1)

231, 3 св., читать: LIBRORUM — 8 св., к № XXVI b добавить: *cf. Aetna 538 (nr. XXXVIII c) libellus* — 16 св., к № XXVII a добавить: *Philod. De piet. 14 (Dox. 548)* — 8 св., к № XXVII c добавить: *Philo, De provid. III, 5 (Anglice ex Armenico, p. 188 Marcus) books on nature* [см. выше стр. 48].

232, 8 св., вычеркнуть «(мнения?)» — 9 св., вместо «стихи» читать: строки — 20 св., вставить: *Cf. Plut. Adv. Colot. 12, 1115 A* [см. выше стр. 53] — 23 св., добавить: *Et cf. Gell. praef. 6* — Апп. к № XXVII e, сноска 4, вычеркнуть «: ἔφη?»

233, 22 св., читать: τῆ ἀρχῆι — 18 св., читать: φησί

235, 10 св., после № XXXIV d вставить: XXXIVA. a. *Apul. De mundo 20* hoc Heraclitus sententiarum suarum nubilis <nobilis> (nubilis *Floridus*, < > *addidi: mobilis codd.*) ad hunc modum est <elocutus> (*ci. Thomas*): (*seq. fr. B 10 Graece*). Гераклит, известный туманностью своих изречений, выразил это следующим образом: (*следует фр. B 10*). *b. Simplic. in De caelo p. 294, 13 Heiberg* καὶ Ἡράκλειτος δὲ δι' αἰνιγμῶν (DE: -μάτων AE²) τὴν ἑαυτοῦ σοφίαν ἐκφέρων οὐ ταῦτα ἀπερδοχεῖ τοῖς πολλοῖς σημαίνει: (*raulo ultra seq. fr. B 30*). И Гераклит, излагая свою мудрость с помощью загадок, указывает на вещи, не совпадающие с мнением большинства (*следует фр. B 30*).

238, 14 св., после *De an. 2, 6* вставить: *Adv. Marc. II, 28, 1*

239, 17, 11 и 7 св., читать: ἐνι (вместо ἐτι), αὐτῶν, ἕνα

240, 20 сн., вместо τὴν читать: τὸν — 19 сн., «там», т. е., по-видимому, «в святилище Артемиды» (ср. № XXXIV b) — Внизу стр. вставить: *XLIA. Aristo Ceius, fr. 13, I Wehrli, ap. Philodem. Περὶ κακίων X, col. X 'Αρίστον τοῖνον, γεγραφὸς περὶ τοῦ κουφιζεῖν ὑπερηφανίας ἐπιτομήν* (Jensen), τῷ ἴδιον μὲν ἔ...εν (?) τῶν διὰ τὴν ὑπερηφανῶν [σοφῶν] (Knögel), οὐ μόνον διὰ τὰ ἀπὸ (Knögel) ταύτης ὑπερηφανούντων, ἀλλὰ καὶ δι' ἃ προείπαμεν ἡμεῖς καὶ δι[τα] (Knögel) καὶ δι' αὐτὴν φιλοσοφίαν πολλῶν δοξάντων, ὡς Ἡρακλείτου καὶ Πυθαγόρου καὶ Ἐμπεδοκλέους καὶ Σωκράτους καὶ ποιητῶν ἑτῶν, οὓς οἱ καλλιοὶ τῶν κωμικογράφων ἐπεράπιζον. Аристон, написавший краткое сочинение об облегчении высокомерия, [описа-, изобличи-]л (?) характер тех мудрецов, кто сделался высокомерным благодаря своему успеху, причем не только тех, кто ведет себя высокомерно из-за благ, приносимых им (успехом), но и тех многих, кто возмнил из-за вещей, о которых мы сказали выше, а также, воистину, и из-за самой философии, как-то: Гераклита, Пифагора, Эмпедокла, Сократа и некоторых поэтов, которых изобличали древние авторы комедий. [См. ниже дополн. к ГС стр. 42, прим. 131, 6 сн., а также выше стр. 67, прим. 224]

241, 17 сн., вставить: *Cf. Antiphan. ap. Athen. IV, 134 B (= Heraclides Ponticus fr. 10 Wehrli).*

*

«Жизнь Гераклита Эфесского» [ЖГ] (ВДИ, 1974, № 4)

5, 15 св., добавить: если не считать путаницы между Гераклитом и Гиппасом Метапонтийским у Псевдо-Иустина [см. выше дополн. к TV стр. 198].

10, 8 св., вместо «Мейнеке и Дильс» читать: Мейнеке и Клинтон — Прим. 23, 12 св., вместо «Дильсом» читать: Мейнеке и Клинтон — Прим. 24, вместо «XXIV» вставить: *Berolini, 1823, XXIV; F. Clinton, Fasti Hellenici, Oxf. 1824, II, 55 s.* — В конце прим. 24 добавить: Вопреки его собственному утверждению, участие Дильса в этой реконструкции более, чем скромное.

12, прим. 28, 1 сн. и 29, 2 св., вычеркнуть «комм.» и «комм. к».

14, 16 сн., добавить: На (принудительное!) отечение Гераклита, возможно, намекает автор VII Псевдогераклитова письма (№ VI с [см. выше дополн. к TV стр. 200]), если только «то, что бог дал» обозначает царскую власть и если именно эта власть дает Гераклиту право заявлять, что его воля — закон для всех (подобно тому, как заявлял Людовик XIV: «la loi c'est moi»): ср. фр. В 33 νόμος καὶ βουλὴ (-λή?) πείθεσθαι ἐνός (= ἐμοῦ?). Но возможны и другие толкования.

18, прим. 47, добавить: Псевдогераклитово письмо VII (№ IX f) и Афинагор (№ IX g [см. выше дополн. к TV стр. 204]) утверждают еще, что эфесцы хотели изгнать и самого Гераклита (о значении имперфекта ἤλαυνετο у Афинагора см. Л у р ь е Д 394, комм. к № XXIХа), но это скорее всего легенда. Во всяком случае Деметрий Фалерский (№ XVIII b, [см. ГС, стр. 35 и прим. 90]) утверждает, что Гераклит никогда не покидал Эфеса.

*

«Гераклит: современники, легенда, иконография» [ГС] (ВДИ, 1976, № 1)

28, 1 св., вставить примечание 61^a: Одиночество Гераклита подтверждается и другими таблицами преемственности, которые удастся реконструировать [см. дополн. к TV стр. 205]. Так у Эпифания он помещен

вместе с Эмпедоклом и Продиком в особую группу, отличную от Ионийской и Италийской линий (ср. Dox. 176). В таблице у Климента (Clem. Strom. I, 62, 1—64, 4) он вовсе отсутствует.

32, 4 св., добавить: Сообщение же Иоанна Филопона о том, что Пиррон (360-е — 270-е гг.) был учителем Гераклита (№ XV b: [см. выше дополн. к TV стр. 207]) — хронологическая нелепость. Объясняется она тем, что скептики вообще были склонны находить себе предтечей среди древних поэтов и философов (ср. Diog. Laert. IX, 71—73) и, возможно, что Пиррон пользовался гераклитовым высказыванием о реке в качестве аргумента в пользу скептических выводов (ср. контекст у Филопона; у Давида Апахта образ реки Гераклита фигурирует в одном из «четырёх положений Пиррона лжеумудрого», см. Д а в и д А н а х т, Сочинения, М. 1975, стр. 34 [заглавие] и 34).

34, 10 св., читать: ἵστραγαλλίσε — Прим. 86, добавить: См. однако КГ, прим. 224 [выше, стр. 67]. — Прим. 87, вставить в начале: Л у р ь е Д 400 (вверху).

38, 5—6 св., вычеркнуть взятое в скобки — Прим. 109, вычеркнуть три последние строки

40, 5 св., вместо «Антисфена (?)» читать: анонимная

41, 8 св., вместо «у Антисфена (?)» читать: в анонимной [см. выше, стр. 67, прим. 224]

42, прим. 131, 6 св., после «комедиографов» добавить: (это предположение блестяще подтверждается текстом № XLIA [см. выше дополн. к TS стр. 240])

45, подпись к рис. 3, читать: Гравюра VIII Статия (т. е. работы гравера Статия).

THE BOOK OF HERACLITUS

by S. N. Mouraviev

The present article is the third and last part of the Commentary to the edition of ancient *testimonia* on the life and the book of Heraclitus published by the author in *VDI*, 1974, 4, pp. 195—218; 1975, 1, pp. 229—244. For parts I and II see *VDI*, 1974, 4, pp. 3—23 and 1975, 1, pp. 27—48. The texts discussed here are nos. XXVI—XLIII.

Since some scholars doubt that Heraclitus ever wrote a book and since this opinion cannot be refuted with the help of the *testimonia* alone (an assessment of the fragments is necessary as well), 'Heraclitus's book' should be understood as 'the book attributed to Heraclitus by the ancients'. Nonetheless, the present discussion is based on their assumption (the only one available in the texts) the validity of which remains to be tested in order to confirm our conclusions. Another important point is that the texts are assessed independently of the external evidence of the fragments in order to draw a clear line between the impression produced by the *whole* book on the ancient and that produced on us by its *fragmentary* remains.

Heraclitus wrote one work in one 'book' (i. e. written on one standard papyrus roll) (nos. XXVI—XXVII). None of its titles (no. XXVIII) is original. Περὶ μούσων became a standard title in the mid-5th cent. Μούσα probably meant «Inquiries» and had nothing to do with the Muses or with the 'poetic' style of the book. Diodotus' verse is a motto. The last title is probably a corruption of the very beginning of the book itself (none of the readings suggested so far is convincing and γνομῆ with an objective genitive speaks for an early date).

The threefold division of the book (no. XXIX) does not belong to Heraclitus himself but may partly reflect its real structure and is probably the work of some philosophical school (though not the Stoic: in Stoic terminology τὸ πᾶν meant 'the limited world

[τὸ ὄλον] plus the boundless void'). The unlikeliness of two distinct 'physical' parts, one about the world and one about god, suggests that περὶ τοῦ παντός means 'about the whole matter' as opposed to the special matters of the two other parts: politics and theology (=physics). Part one was either devoted to general subjects or composed of *miscellaneous*. The views of Diodotus and Sextus (*no. XXX*) need not speak for a wholly political book or for a Heraclitean ethical theory.

τὸ κεφάλαιον in Hippolytus (*no. XXXI*) means 'the main point' (not 'the chapter') and points to the doctrine of the identity of opposites in god. Fr. B 1 probably stood at one of the 'beginnings' of the book (of which there could be 3: the *sphragis* with the author's name, the statement of the subject and goal, the beginning of the exposition itself), fr. B 2 followed it at a distance of 'a few points' (not 'words' or 'lines') (*no. XXXII*).

Heraclitus' proverbial darkness (*nos. XXXIII—XXXVIII*) was interpreted either as voluntary (esoterism) or as involuntary (stylistic defectiveness, psychological impulsiveness) and explained either by the deepness of his thoughts (requiring symbols and allegories) or by the noncomprehension of his readers. The examples adduced by the ancients reveal the following causes of difficulty: lack of 'connectives' and syntactical homonymy; breaches of the law of contradiction; incompleteness of some theories; imprecision due to the discussion of a saying out of context.

The 'votive offering' of the book to the Artemision (*no. XXXIX*) was probably intended to preserve it from destruction and to provide an original for those who would wish to copy it. It is possible that the book was 'mysteriously discovered' there only after Heraclitus's death (whence the Heracliteans described by Plato [*no. XL*]). The story about Euripides and Socrates (*no. XLI*) is likely to be true; the playwright must have brought the book from a voyage and given it to Socrates who spread it in Attica (in the second version 'Crates' is an old corruption of 'Socrates'). Aristotle read the book and it was still available in the early 3rd cent. A. D. (*no. XLII*). Most of the commentators we know about (*no. XLIII*) lived in the 4th-3rd cent. B. C. In the second half of the 3rd cent. A. D. all direct quotations from the book disappear from our sources. So probably did the book itself, a fact to be connected with the change from roll to codex and with the growing influence of Christianity.

The Epimetrum contains additions and corrections to all the previously published parts of this work.